

#игры разума
#украденная память
#маньяк-кукловод

на месте жертвы

Нана Рай

РАСЩАТАННЫЕ ЛЮДИ

Я — ЧЕЛОВЕК. Я СОЗДАЮ СЕБЯ САМ

Нана Рай
Расшатанные люди
Серия «На месте жертвы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66551428
Расшатанные люди: SelfPub; М.; 2023
ISBN 978-5-17-156409-4

Аннотация

Шахматная доска, а на ней вместо фигур:
маньяк, который не убивает;
журналистка, скрывающая под париком не только шрамы;
психотерапевт, умело манипулирующий памятью;
юрист с идеальной репутацией и руками по локоть в крови;
молодая семейная пара, в отношениях которой лжи больше,
чем в жизнях всех остальных героев, вместе взятых.

Их объединяет лишь одно – хрупкость человеческой памяти.
И давняя история любви, где тридцать сребреников вновь решили
судьбу человека.

Содержание

Пролог. Похититель памяти	5
Глава 1. Забыть нельзя помнить	6
I	6
II	17
III	26
IV	35
V	49
Глава 2. Любить нельзя ненавидеть	55
I	55
II	64
III	75
IV	84
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Нана Рай

Расшатанные люди

Я – человек. Я создаю себя сам

© Нана Рай, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог. Похититель памяти

В жизни бывают моменты, которые хочется вычеркнуть из памяти. Но в *ее* случае память сама вычеркнула кусок жизни. С чьей-то помощью.

Сейчас, сидя в мрачной зловонной комнатухе, она касается пальцами обожженной кожи на голове. Местами они натываются на торчащие клочья волос и глубокие порезы. Тот, кто обрил ее наголо, не слишком старался.

Но страшно не это. Страшно то, что она впервые видит эту комнату. И как ни старайся, ей не вспомнить ничего, что произошло за последние дни или недели. Ее воспоминания обрываются осенним вечером, когда она вышла с работы, намереваясь зайти в гости к сестре. Когда это было? И было ли вообще?

Она пытается встать, но ноги не держат. Все тело болит так, словно кости покрылись сетью трещин. Она судорожно вздыхает и прислоняется к стене, по которой ползет черная плесень, оставляя за собой едкие разводы. И только теперь до затуманенного сознания доходит, что это не плесень. Это слова.

«Твоя память принадлежит мне».

Глава 1. Забыть нельзя помнить

I

Странно, что она заметила эту коробку лишь сегодня. Коробка красная, из потертого картона, пахнет пылью и затхлостью. На ощупь чуть шершавая. Обычная обувная коробка, которая лежит на верхней полке стеллажа много лет. Точнее, лежала.

Юлиана оглядывается на вход в гардеробную и облегченно выдыхает. Дверь в спальню открыта, а значит, это вовсе не замкнутое пространство полтора на полтора метра. Нечего опасаться.

– Что ты делаешь? – громкий голос мужа раздается над ухом, и от неожиданности Юлиана роняет коробку на пол.

Она испуганно оборачивается. Сердце рвется из груди, и мелкие капельки пота предательски холодят виски. А все из-за того, что Илья закрывает собой дверной проем, и стены вдруг начинают сжиматься вокруг Юлианы, как кокон бабочки, который невозможно разорвать.

– Пусти! – Она отталкивает Илью и вырывается в просторную светлую спальню.

Безликие обои, молочный паркет и шторы из воздушного шифона придают Юлиане сил. Приступ клаустрофобии про-

ходит так же быстро, как начался.

– Хотела взять твою черную рубашку, – уже спокойнее произносит она.

– Я ее бросил в стирку.

Илья поспешно закидывает рассыпавшиеся фотографии с газетными вырезками в коробку и ставит ее обратно на верхнюю полку.

– Что это?

– Да так... Материалы по старым делам. Надо будет выбросить.

Он улыбается Юлиане, но на его лице странная печать усталости. Она подчеркивает новые морщинки, которые появились за последний год. Но, если не вглядываться, перед ней все тот же Илья. В белом махровом полотенце на бедрах он выглядит так же элегантно, как и в деловом костюме. Капельки воды скатываются по плоскому животу с мокрых волос, по цвету напоминающих жженое пшено.

– Ну, одолжи хоть белую рубашку, – Юлиана с трудом вспоминает изначальную цель.

Мысли перепрыгивают с красной коробки на клаустрофобию. С плоского живота Ильи на его голубые глаза. Она улавливает в расплывчатых воспоминаниях занятный вопрос: а когда в последний раз у них был секс?

– Может, тебе пора обновить гардероб и перестать таскать у меня одежду? – Илья с усмешкой снимает с плечиков рубашку и кидает Юлиане.

– Ты не понимаешь... Только твои вещи сидят на мне идеально.

Она вытаскивает из шкафа кремовые брюки и прикладывает к рубашке:

– Видишь? Безупречное сочетание. А теперь не мешай, я спешу.

Уже восьмой час, а в десять первые клиенты. Семейная пара, еще студенты, а уже проблемы... И зачем жениться в таком возрасте? Юлиана вышла замуж намного позже, но ее все равно не оставляет мысль, что она поступила так, лишь бы быть как все.

– ... не хочешь задержаться минут на пятнадцать?

Она слышит лишь конец вопроса, очнувшись от раздумий, когда Илья губами касается ее шеи. По коже бегут мурашки, и Юлиана томно вздыхает, но когда теплая ладонь Ильи скользит под рубашку, вздрагивает. Муж замирает.

– Может, хватит? Уже месяц прошел. – Илья отстраняется от нее, и его ладонь сжимается в кулак.

– Месяц? – Вот и ответ на ее вопрос. – Не думала, что так долго.

– Хватит уже себя винить. Я стараюсь быть терпеливым, но... – Голос Ильи обрывается в темной комнате, куда он ушел переодеваться.

– Прости. Я понимаю, ты хочешь, чтобы все было как раньше. – Взгляд Юлианы замирает на зеркале. – Но я словно больше не имею права на счастье.

Отговорки, отговорки, отговорки... Дело не только в ее проблемах. Дело в Илье.

Она – успешный психотерапевт, но боится вызвать мужа на откровенный разговор. Задать вопрос: что его мучает, почему он так изменился? Боится услышать ответ.

Юлиане нравится выглядеть элегантно. Наряд подобран скрупулезно вплоть до золотой цепочки на шее. Темно-каштановые локоны уложены один к одному. Неизменная прическа изо дня в день, на которую она тратит минимум полчаса из утренних сборов – ее личный ритуал, придающий уверенности и спокойствия. Но последний месяц... За последний месяц все изменилось.

– Я просто хочу, чтобы моя жена вернулась. Да, возможно, ты виновата, – отзывается Илья. Он возвращается, уже одетый в темно-синий костюм с безупречными стрелками на брюках. – Но лишь отчасти. А возможно, и не виновата.

Он обхватывает ее лицо ладонями и нежно целует. Сейчас это тот же Илья, в которого она когда-то влюбилась.

– Та женщина страдала шизофренией, но от тебя скрыли этот факт. Ты помогала обычной семейной паре наладить отношения. И справилась на отлично. Кто знал, что после этого у нее окончательно снесет крышу? – Илья снова улыбается, и Юлиана не может не улыбнуться в ответ. Он говорит ей то, что она и так знает, но почему-то только после его слов становится легче. – Прошел почти год. Если бы этот случай не всплыл на телевидении, ты жила бы себе спокойно и ни о

чем не знала. Не надо заикливаться на прошлом. Хотя бы ради меня, – после короткой паузы добавляет он.

– Ты уверен, что правильно выбрал профессию? – усме- хается Юлиана.

– Одного психотерапевта в нашей семье с головой хвата- ет. К тому же мне больше нравится защищать интересы лю- дей, а не править им мозги. – Илья снова целует ее и, шлеп- нув по ягодицам, выходит из комнаты. – Сегодня на ужин заказываю клубнику, взбитые сливки и секс. Возражения не принимаются! – кричит он уже из кухни.

– Озабоченный, – добродушно роняет Юлиана и со вздо- хом поправляет волосы.

Возможно, ей и правда стоило пойти по стопам отца и воз- главить юридическую фирму, которой сейчас руководил ее муж. Но... всегда есть это «но». Маленькое, короткое, про- тивное.

А в остальном Илья прав. Почти во всем, кроме одного. Она *знала*, что у пациентки были проблемы с психикой, и все равно использовала запрещенный прием. Добилась гар- монии в отношениях супругов, но не предвидела побочного эффекта. Хотя должна была.

Юлиана достает из косметички темно-зеленый карандаш в тон глазам и подводит нижние веки. Нужно двигаться даль- ше. Это не первая и не последняя ошибка в ее практике. В конце концов, она всего лишь человек. А человеку свой- ственно ошибаться.

Она заставляет себя улыбнуться отражению. На щеках появляются задорные ямочки. Хм, может, у нее и правда есть лишние пятнадцать минут? Может, и не нужен откровенный разговор с мужем, чтобы растопить лед в их отношениях? Подумаешь, обойдется без утреннего кофе.

Юлиана вытаскивает рубашку из брюк и решительно идет следом за мужем.

– Ты что будешь на завтрак: крепкий кофе или горький кофе? – слышится довольный голос Ильи.

– Взбитые сливки с клубникой.

* * *

Новоград осенью похож на златокудрую девицу, которая смущенно прикрывается рваным платьем, а под ее босыми ступнями безжизненно лежат обрезанные локоны. Картина не меняется от одного микрорайона к другому. Двухцветные многоэтажные дома, забытые людьми, как метро в час пик, утопают в красных и желтых, пожухлых и едва облетевших листьях. Небольшой город с населением около полумиллиона человек кажется кому-то мегаполисом из-за обилия разноцветных зданий, красочных вывесок, рекламных щитов, витрин магазинов, украшенных цветами и огнями.

Юлиана паркует двухдверный «Мини Купер» на стоянке перед частным психотерапевтическим центром «Санитатем». Каждый раз, приезжая на работу, она любуется лако-

ничным трехэтажным зданием с французскими окнами и серебристой, переливающейся на солнце облицовкой стен. В отличие от других клиник, где до сих пор живет дух Советского Союза, здесь современному человеку ничто не внушает ужас, что его сразу упекут в дурдом.

Юлиана закидывает на плечо черную лакированную сумку, глядит на наручные часы с бриллиантовыми цифрами, которые Илья подарил ей на день рождения, и раздосадованно вздыхает. Опоздала на двадцать минут. «Завтрак» продлился дольше, чем она планировала.

– Юлиана Владимировна! – за стойкой регистратуры вскакивает молоденькая администраторша Инга.

Забавная карешка до ушей и личико сердечком, которое сейчас скрыто за медицинской маской, – почти единственные причины, по которым ее взяли на работу. Администратор должен располагать к себе потенциальных пациентов, мило щебетать и рассказывать о том, какие чудесные профессионалы работают в их центре. Чтобы напряженные клиенты почувствовали себя более расслабленно, на стойке горят ароматические свечи, и тонкий запах ванили, лаванды или жасмина изо дня в день наполняет холл с высокими потолками и светлыми стенами.

– Семейная пара на десять утра уже здесь. Ждет вас возле кабинета.

– Ох, – Юлиана мельком смотрит на чопорную старушку, которая сидит в фойе на бежевом диване. – А я еще и опоз-

дала. – Досада становится еще сильнее.

Старушка осуждающе прищелкивает языком и поправляет слуховой аппарат.

Юлиана мысленно закатывает глаза:

– Евгений Анатольевич не злился, что я задерживаюсь? – шепчет она Инге.

– Я ему сказала, что вы уже на месте, – так же шепотом отвечает та и лукаво подмигивает.

– С меня шоколадка.

Юлиана поднимается на второй этаж по широкой лестнице со свеженамытыми ступенями и спешит по длинному коридору к кабинету. Стук каблуков приглушается персиковым ковролином. На мягкой софе возле ее двери сидит молодая пара: ссутулившийся парень в бесформенной черной футболке и яркая рыжеволосая девушка, погруженная в смартфон.

– Здравствуйте, – мягко здоровается Юлиана и с улыбкой протягивает руку парню. – Меня зовут Юлиана Владимировна. Я так понимаю, вы ко мне?

Молодой человек поднимает на нее черные глаза и крепко пожимает ей руку. Медицинская маска легкомысленно сдвинута на подбородок. Странно, но от его изучающего взгляда Юлиане становится не по себе, будто она столкнулась с чем-то потусторонним и необъяснимым.

– Да, мы к вам, – тихо, с легкой хрипотцой отзывается он.

Юлиана переводит взгляд на его жену, но та не отрывается

от мобильного, губами пожевывая маску.

– Подождите пару минут, и я вас вызову.

Она достает ключи из сумочки, но не успевает вставить в замок:

– Внутри зашел мужчина. – Парень продолжает глядеть на Юлиану так пристально, что та на секунду забывает, куда шла.

– А? Хорошо, спасибо.

Мужчина... Наверняка директор.

Набравшись смелости, Юлиана заходит в кабинет, оставив странную пару в коридоре.

Евгений Анатольевич и правда дожидается ее на просторном диванчике и задумчиво пролистывает журналы, изредка поглаживая черные усы и ухоженную бородку.

– Здравствуйте, – она как школьница застывает возле двери, но тут же расправляет плечи и садится напротив директора в кресло, в котором ведет прием. – Простите, я сегодня задержалась. Этого больше не...

Он не дает ей договорить шаблонную фразу и перебивает:

– Твое опоздание и даже детская ложь Инги меня пока что мало заботят.

Евгений Анатольевич разбил много женских сердец. Этот смуглый брюнет с глубоко посаженными синими глазами, убежденный холостяк в сорок лет, посвятил жизнь работе. Но был между ним и Юлианой один секрет, который она предпочла бы забыть.

– Тогда что?

Евгений сцепляет пальцы и тяжело вздыхает:

– Ты была такой легкомысленной, когда пришла сюда работать. Незамужняя и ветреная, но при этом тонко чувствовала человеческие души. Дар, который не отнять.

Привычка Евгения Анатольевича погружаться в прошлое безумно тяготит. Юлиана стискивает зубы, а он продолжает:

– Ты талантливый психотерапевт и уже в тридцать один год успела сделать себе имя.... А сейчас все трещит и находится на грани...

– Евгений Анатольевич, вы все-таки решили меня уволить?

Юлиана поморщилась. Несколько недель назад она сама пришла к нему с заявлением на увольнение. Но Евгений заявил, что она слишком ценный сотрудник, чтобы ею разбрасываться, и они больше не будут обсуждать этот вопрос. Но, видимо...

Он взмахивает рукой:

– Не перебивай. Вчера ко мне снова приходили журналисты.

– Опять?! Спустя месяц? Я думала...

– Я тоже так считал, но эта трагедия многим не дает покоя. Недавно опять крутили шоу, в котором разбирали подобные случаи, и, разумеется, вспомнили про нас. – Евгений Анатольевич щурится и устремляет взгляд поверх плеча Юлианы, в сторону окна, едва прикрытого полупрозрачным тюлем. –

Журналисты хотели с тобой поговорить, но я в сотый раз сослался на то, что мы не разглашаем тайны пациентов. Пускай даже один из них давно в могиле, а другая потерялась в своем безумии.

– Пусть мучают их родственников, – невольно огрызается Юлиана. В животе заново скручивается тугой узел вины, который она наивно пыталась развязать сегодня утром.

– Видимо, они тоже прячутся от журналистов. Неважно. Кроме домыслов, у них ничего нет. Но наша репутация висит на волоске. И восстанавливать ее предстоит тебе. – Он встанет и наклоняется к Юлиане, легким движением проводит по щеке, но его прикосновения уже давно не вызывают никаких эмоций. – То, что ты сделала, – тихо произносит Евгений, так, что даже Юлиане приходится напрягать слух, – останется между нами. Но не допускай подобных ошибок. Больше. Никогда.

Евгений поджимает губы, а его взгляд делается жестким, напоминая о том, что произошло шесть лет назад и какие последствия повлечет за собой новая ошибка.

II

Он уходит, оставляя в напоминание лишь едкий аромат парфюма – запах костра. Несколько секунд Юлиана не двигается, в глухой тишине оглядывая кабинет. Опустевший диван с бежевой кожаной обивкой, еще сохранивший вмятины на том месте, где сидел Евгений Анатольевич, теперь выглядит злобным чудищем. Да и сама комната вдруг становится крохотной и недружелюбной. Даже картина с разноцветными бабочками, которую она с такой любовью выбирала пару лет назад, теперь кажется уродливой.

Юлиана шумно выдыхает и потирает ладони, пытаясь согреться. Ничего не случилось. Все хорошо. То, что было в прошлом, останется в прошлом. Главное, чтобы оно вдруг не ожило.

Она вешает в угловой шкаф плащ и обрабатывает руки антисептиком. Приоткрывает окно, впуская прохладный осенний воздух. Десять глубоких вдохов и выдохов. Постепенно сердцебиение успокаивается. Неважно, какие проблемы у нее. Сейчас она должна решать чужие.

С мягкой улыбкой Юлиана открывает дверь и приглашает молодую пару войти:

– Спасибо, что дождались. Проходите. Маски можно снять, между нами больше двух метров.

Пока молодые люди располагаются на диване, Юлиана

усаживается в кресло и находит в планшете информацию о клиентах: *Колесниковы, Валентин и Алла. Двадцать один и двадцать лет соответственно. В браке два месяца. Детей нет.* А затем привычным жестом создает новый документ для заметок.

– Итак, Валентин, Алла, вы не возражаете, если я буду звать вас по именам?

– Как скажете, – сухо отзывается Валентин.

Он так и сидит с медицинской маской на подбородке, то ли действительно забыв про нее, то ли демонстрируя пренебрежение к словам Юлианы. Зато его жена поспешно избавляется от маски, испачканной с внутренней стороны губной помадой, и запихивает ее в сумочку. Молодая женщина ерзает на диване, то пододвигаясь к мужу ближе, то снова отстраняясь, словно никак не определится, на одной они стороне или нет.

– Я очень рада, что вы решили доверить мне свои семейные проблемы. Мы постараемся во всем разобраться и попробуем преодолеть любые разногласия.

Алла проводит ладонями по бедрам, чтобы успокоиться, и в итоге сцепляет руки, но указательный палец правой руки продолжает нервно подергиваться. Кабинет наполняется интересной смесью клубничного аромата и запаха натуральной кожи, и у Юлианы усиливается чувство, что более неподходящих друг другу людей она до сих пор не встречала.

Валентин хмурый, замкнутый. Его длинные черные воло-

сы слегка вьются на кончиках, а глаза непонятного цвета. Такие темные, что нельзя с уверенностью сказать, карие они или синие. Зато Алла весьма живая, энергичная девушка с пышной грудью. Рыжие кудряшки подпрыгивают на плечах, ясные голубые глаза едва подведены серым карандашом.

Юлиана начинает сеанс с вводных вопросов, чтобы определить психотипы и акцентуации характеров. Благодаря этому она сможет подобрать подход к каждому из молодых супругов. Даже прожив вместе много лет, разные люди остаются разными.

Покончив с вводной частью, на которую ушло больше времени, чем ожидала Юлиана, она осторожно подбирается к главной теме – что сподвигло пару прийти к ней на прием?

– Я вообще не хотела идти, – заявляет Алла и тут же испуганно отодвигается от Валентина по дивану. – Но он сказал, что иначе наш брак развалится!

– Можно подумать, тебе плевать на то, что мы собачимся каждый день? Ах да, я забыл. Такая обстановка очень типична для твоей семьи, – саркастично замечает Валентин.

– Ну, конечно! Зато твои родители – святые. Я бы ни за что не вышла за тебя, если бы знала, что ты так изменишься.

Алла скрещивает на груди руки и отворачивается от мужа. Валентин только ухмыляется.

– Давайте успокоимся, – мягко просит Юлиана. – То, что вы пришли ко мне, уже говорит о том, что вам небезразличны ваши отношения.

Валентин с Аллой слушают не перебивая, и она продолжает уже увереннее:

– Вы еще молоды, и, возможно, причины, по которым вы ссоритесь, можно устранить легко и безболезненно. Но я бы хотела...

– Вот именно! – со слезами на глазах перебивает ее Алла. – Мы молоды, а наши родители решили нас поженить, чтобы Валентин остепенился. А кто сказал, что я готова к браку? Я ненавижу готовить и убираться, и Валик прекрасно знал это, но теперь требует, чтобы я превратилась в типичную домохозяйку!

– Не называй меня Валиком! – ревет Валентин и стискивает кулаки. Он угрожающе выпячивает нижнюю челюсть и сверлит жену взглядом, от которого даже Юлиане становится не по себе. – У замужней женщины есть обязанности. Не я их придумал! Зато проматывать мои деньги тебе очень даже нравится!

– Опять ты за свое!

Обстановка накаляется, и вот уже открытое окно не спасает от жары, стоящей в кабинете. Душно настолько, что Юлиана откладывает планшет. Все равно в такой атмосфере ей не удастся провести беседу и сделать пометки.

– Прошу вас не забывать, что вы сейчас не дома, – тихо, но настойчиво произносит она и глазами ловит сначала взгляд Валентина, а затем и Аллы. – Вам всего по двадцать лет. Весьма юный возраст для женитьбы по современным мер-

кам, и все же достаточный, чтобы вести себя как взрослые люди. Возможно, ваши родители настояли на браке, но вряд ли они силой тащили вас в ЗАГС.

– Скажите это ему! Он как был ребенком, так и остался, – фыркает Алла.

– Алла, пожалуйста, давайте без оскорблений. Вы же умеете держать себя в руках?

– Умела бы, не пришла бы сюда, – ехидничает Валентин.

– К вам это тоже относится.

Юлиана мысленно досчитывает до трех. Прием у психотерапевта начинает напоминать разговор классной руководительницы с учениками.

– Следующие два сеанса я намерена провести по отдельности с вами, Валентин, и с вашей женой, – она обращается к парню, намеренно выделяя его как главу семьи. – Если, конечно, вы захотите продолжать работу именно со мной.

– Захотим, – резко отвечает Валентин. – Нам вас рекомендовали знакомые.

– Что ж, спасибо, – Юлиана благодарно наклоняет голову. – А теперь, раз вы уже успели показать, как ссоритесь дома, хотелось бы услышать конкретные претензии друг к другу. Валентин?

Удивительно, он такой молодой, двадцать один год, даже тело еще худощавое, как у подростка, а взгляд – тяжелый, надменный. Взгляд мужчины, который знает, чего хочет; знает, как этого добиться.

– Алла не умеет экономить. Тратит деньги впустую. Не готовит, дома постоянный бардак. Да, родители поженили нас, чтобы уговорить именно меня, но все-таки не такую семейную жизнь я себе представлял.

– А как же любовь? Ты же говорил: «Аллочка, мне плевать, что ты не умеешь готовить, я так люблю тебя, хочу быть с тобой вечно», – тонким голосом передразнивает мужа Алла. – А теперь требуешь, требуешь и требуешь!

– Но я же изменился ради тебя, почему ты хотя бы не попытаешься сделать то же самое?! – вскипает Валентин.

– А может, я не хочу?! Ты об этом подумал? Может, меня все устраивает? – Алла вскакивает с дивана и хватается леопардовую сумочку. – Знаете, боюсь, у нас не получится сегодня диалога. До свидания, – выпаливает она и вылетает из кабинета.

Импульсивность Аллы бьет через край, а показное спокойствие Валентина – типичная стена, которую воздвигает супруг, чтобы отгородиться от истерик жены.

– Не забудьте записаться на сеанс у администратора, – лишь успеваешь крикнуть Юлиана, но быстрый стук каблучков Аллы заставляет усомниться в том, что та услышала.

Валентин глубоко вздыхает и прячет лицо в ладонях, впервые за весь прием проявляя слабость.

– Не расстраивайтесь, Валентин. Это хорошо, что вы сбросили отрицательную энергию. Теперь мы знаем, с чем работать. Я постараюсь сделать все, чтобы ваши отношения

с Аллой наладились.

Она улыбается, чтобы его приободрить.

– Обещаете? – с тоской спрашивает он, как пятилетний ребенок.

– Результаты обещать не могу, но мне как правило удается помочь семейным парам, – уклончиво отвечает Юлиана.

А в голове проносится гнусность: *я либо помогаю, либо уничтожаю.*

– Перед тем как закончить первый сеанс, – она старается, чтобы эта мысль не отразилась у нее на лице, – могу я уточнить, что именно в вашем поведении не нравилось родителям, что они решили вас остепенить?

– Я фанател по ночным гонкам, и они переживали, что однажды я разобьюсь, – неохотно признается он.

– И после свадьбы вы перестали участвовать в подобных мероприятиях?

– Можно сказать и так. Разок-другой, наверное, было. Но появилась какая-то ответственность за Аллу, и я решил завязать. Хотя теперь думаю, может и зря. – Он откидывается на спинку дивана. – Тяжело, когда игра идет в одни ворота. А ведь мы планировали обвенчаться. Браки должны заключаться на небесах. – Он трет глаза. – Но сейчас меня все чаще посещает мысль, что я больше не люблю Аллу. Что наша семья – это огромная ошибка. Что все зря...

– В этом мире ничто не бывает зря, – улыбается Юлиана и встает. – Запишитесь на следующий сеанс, и мы шаг за

шагом со всем разберемся.

Валентин тоже поднимается и запоздало снимает маску. Комкает ее и засовывает в задний карман черных джинсов. А затем неуверенно протягивает Юлиане руку, видимо, окончательно позабыв о бушующем коронавирусе и методах профилактики.

– Рад с вами познакомиться, – произносит он, когда Юлиана отвечает на его рукопожатие.

На секунду время замедляется, и теперь, когда клубничный аромат Аллы выветрился из кабинета, Юлиана еще острее чувствует необычный парфюм Валентина. Кожаный аромат. Никогда раньше она не сталкивалась с такими духами. Трепетное волнение охватывает ее, электрическим разрядом пробегая от кончиков пальцев до позвонков на шее.

Когда он уходит, она еще некоторое время смотрит на ладонь, не решаясь воспользоваться антисептиком. Валентин очень крепко сжал ее руку, словно хотел убедиться, что она настоящая.

Так! Соберись!

Юлиана встряхивает головой. Она замужем, и ее не должен волновать другой мужчина. Даже Евгений не вызывает у нее ничего, кроме презрения, а ведь они бывшие любовники. А этот молодой парень... Ей никогда не нравились тщедушные юнцы.

Юлиана подходит к окну, чтобы закрыть форточку, и замирает. Среди осенних деревьев она замечает яркую фигу-

ру Аллы. Та стоит на тротуаре и перетаптывается с ноги на ногу. Тонкая кожанка не вполне защищает ее от холода. Почему она до сих пор не ушла? Вылетела из кабинета в такой ярости, но все еще мается возле центра?

Вот к ней подходит Валентин в черной косухе. И Алла пытается взять его за руку, но он поспешно вырывает ладонь и что-то говорит ей, сердито жестикулируя. Сквозь открытое окно до Юлианы доносится лишь шум деревьев и опадающей листвы да звук проезжающих мимо машин. Валентин оставляет Аллу одну и уходит прочь, сутулый и мрачный.

Ветер лениво треплет рыжие кудряшки девушки, которая порывисто вытирает слезы. Что с ней произошло за десять минут после ее ухода? Куда только исчезла злобная валькирия! Юлиана закрывает окно и молча наблюдает, как Алла понуро плетется следом за мужем, а тот, кажется, и не думает ее подождать.

Видимо, между ними все еще более запутанно, чем показалось на первый взгляд. На сеансе они продемонстрировали внешний конфликт, но существует еще один: внутренний. И Юлиана обязательно в нем разберется.

III

Нужно было выбросить чертову коробку. А он повел себя как слабовольный дурак. Все внутри у него сжалось при виде этого «ящика Пандоры» в руках Юлианы, и единственное, что смог – поспешно забросить его обратно.

– Илья Сергеевич, к вам клиентка, – в кабинет заглядывает помощница Анна. – И ваш кофе, – она ставит на его стол поднос с одинокой чашкой. Кофе выглядит еще черней на контрасте с белым фарфором.

Сегодня пояс на тонкой талии Анны красный. Вчера был ядовито-зеленый, а позавчера – лиловый. А вот юбка-карандаш неизменно черного цвета, как и белая классическая блузка. И почему он обращает внимание на наряды помощницы? Она работает в фирме всего два месяца, но уже успела осточертеть ему вечной заискивающей улыбкой и выбеленными до седины волосами.

– Пускай ее примет Корольков, – отмахивается Илья. – Сегодня я не в настроении работать с людьми.

– Оу-у. – Анна растерянно замирает посреди кабинета. Ее лакированные туфли утопают в мягком сером ковре. – Но эта женщина настаивала, что хочет встретиться именно с вами.

– Она по записи?

– Нет.

Илья допивает кофе и морщится. Слишком горький. Анна

никак не может запомнить, какую крепость он предпочитает. Юлиана, в отличие от нее, научилась варить с первого раза.

– Зови, – раздраженно откликается он.

Может, лучше будет погрузиться в работу. Меньше мыслей о том, во что он вляпался и как из этого теперь выпутываться.

– К тебе пробиться сложнее, чем к президенту, – с трагическим стоном в кабинет заходит красивая женщина.

Ну, или красивая на свой особый лад. Лицо у Лидии Александровны с тонкими чертами, изящное, несмотря на запудренную сетку морщин, которая покрывает пергаментную кожу. Золотистые, не раз окрашенные локоны залиты лаком. Чтобы выглядеть в точности как американская кинодива из сороковых, ей не хватает лишь сигареты с мундштуком, хотя Илья знает – дома она частенько предается вредной привычке.

Что ни говори, а он очень похож на мать.

– Привет, мама. – Илья встает из-за стола и в невесомом поцелуе прикасается к ее сухой щеке. От нее пахнет дорогими духами, яркий аромат корицы щекочет ноздри. – Надо познакомить тебя с Анной. Хотя могла и сама ее просветить.

– Так неинтересно, – отмахивается мать и присаживается на кожаный стул возле его стола.

– У тебя не жизнь, а водевиль. Нечасто заходишь в мою контору. Есть особая причина? – Илья возвращается в кресло.

– В твою контору? – Она скептически прищуривается и оглядывает кабинет так, будто находится на выставке, где ничего нельзя трогать. – Напомни-ка мне, какая доля тебе принадлежит?

Илья шумно выдыхает. От вопроса судорогой сводит пальцы. Усилием воли он расправляет их и выдерживает прямой взгляд матери.

– Двадцать пять процентов.

Замечательно. Голос звучит совершенно буднично.

– А у твоей жены, стало быть, семьдесят пять, – глубоко-мысленно кивает Лидия.

– Вот именно: у моей жены, – цедит Илья.

– И когда она перепишет на тебя все остальное?

Вопрос звучит так невинно, что Илью передергивает.

– А почему она должна это делать?

– Потому что именно ты впахиваешь на этой работе, пока она ведет умные беседы с неумными людьми, – презрительно отзывается Лидия.

– Снова старая песня. А ведь поначалу я, как дурак, радовался, что тебе нравится Юлиана. Надеялся, что смог тебе угодить.

– Ох! Ты, как и твой отец, земля ему пухом, вечно судишь меня слишком строго. Юлиана и правда неплохая девочка. Красивая, а главное, богатая.

– Действительно, это самое главное, – язвит Илья, но мать игнорирует его слова.

– Жаль только, упрямится и не родит тебе наследников. Слава богу, ты-то не женщина и твои биологические часы никуда не убегут...

– Прекрати! Я и так постоянно потокаю твоим прихотям. Однажды ты уже втянула меня в свои игры... До сих пор не могу смотреть в зеркало без отвращения.

– Мы не сделали ничего ужасного, – пожимает плечами Лидия. – Всего лишь слегка...

– Замолчи! Я не хочу об этом говорить, – отрезает Илья. – Наши с Юлианой отношения тебя не касаются. И перестань уже переживать, какая доля бизнеса мне принадлежит. Я люблю свою жену и счастлив с ней. Остальное не должно тебя волновать.

Тирада Ильи, кажется, не производит на Лидию ни малейшего впечатления. Она вновь пожимает плечами и встает:

– Хорошо, я подожду, пока ты сам все поймешь. И если тебе понадобится моя помощь, ты знаешь, где меня искать.

После ее ухода Илья еще долго пытается замедлить учащенный пульс, но последние слова матери продолжают навязчиво стучать в голове. А ведь и правда, может статься, что совсем скоро ему понадобится ее помощь.

* * *

Юлиана устало потирает переносицу. Последний клиент замучил нерешительностью и неспособностью признаться

жене в том, что разлюбил ее. И в то же время жить с ней он не в состоянии... Почему люди никак не могут понять, что жизнь – одна? Издеваясь над собой, ты издеваешься над другими тоже. Ее отец часто приговаривал: этот мир создан для счастья, хотя иногда бывает больно.

Юлиана вздыхает и находит в смартфоне фотографию отца. Она сделала этот снимок за год до его смерти и с тех пор трепетно им дорожила. Папа стоит на фоне заката и, как всегда, улыбается, весело сощурившись. Любимая рубашка в желтую клетку натянута на животе, и одна пуговица грозит оторваться. Зато стрелки на серых брюках безупречно отутюжены.

– Ох, папа, знал бы ты, что я натворила. Я чувствую себя убийцей, который не понес наказания. – Она стискивает мобильный, до рези в глазах всматриваясь в экран.

«Жизнь все расставит по своим местам, кнопка», – звучит в голове поставленный голос отца. Голос защитника, голос настоящего юриста.

– Да, но иногда этого приходится слишком долго ждать, – качает головой Юлиана и откладывает смартфон.

День уже клонится к вечеру, но после разговора с Евгением домой не хочется. Преследует другое желание – вернуться на шесть лет назад и выбрать для работы другой психотерапевтический центр, не «Санитатем». Тогда у нее не хватило духу признаться отцу, что ее шантажируют, и она предпочла роль жертвы.

Спустя столько лет Юлиана задается вопросом: почему? Почему она не стала бороться? Не противостояла Евгению и позволила загнать себя в ловушку? И все ждала, когда появится добрый волшебник, который сам узнает о ее проблемах и разрешит их?

Смартфон раздражается гитарной мелодией, и на экране, оборвав очередной сеанс самобичевания, высвечивается неизвестный номер.

– Чертовы банки... Достали со своими кредитами, – бурчит она и отвечает на звонок, чтобы убедиться в своей правоте: – Алло!

Тихое шипение на том конце слегка напрягает, но затихает почти сразу, и в мобильном звучит вкрадчивое:

– Здравствуй, Юлиана.

В горле пересыхает, и на некоторое время она теряет, не в силах ответить. Ну, нет. Это невозможно. Этого не может быть!

– Разумеется, ты узнала меня? – прерывая затянувшееся молчание, повторяет мужчина.

У него мягкий голос с грациозным французским «р», таким несвойственным для русской речи. Когда Юлиана впервые его услышала, то была очарована. А обладатель голоса излучал обаяние, которое пленяло с первой же улыбки, пусть та и выглядела печальной.

– Нет, – сухо отвечает она.

Вдруг ошибка, вдруг игра воображения? Он не может зво-

нить. Он не знает ее номера. Он...

– Жаль, жаль... А я так надеялся. Даже предположений нет?

Юлиана нервно облизывает губы. Она ни за что не произнесет вслух то, что думает, потому что это значит автоматически записать себя в клиенты дурдома. Собеседник вздыхает, даже не скрывая разочарования:

– Моя фамилия Никольский. И мне хотелось сказать «спасибо», ведь благодаря тебе я мертв...

– Дурацкая шутка! Если вам нечем заняться, можете записаться на прием к психиатру, чтобы он вправил вам мозги! – истерично выкрикивает Юлиана и сбрасывает вызов.

Руки дрожат, а в груди клокочет нестерпимая ярость, которая отдает пульсацией в висках. Это же надо! Отыскать ее номер, придумать такую дурацкую шутку, абсолютно невразумительную, симитировать голос Никольского... На что только не готовы пойти журналисты ради хайпа!

Злость стихает, освобождая место тревоге. А ведь, если подумать, голос очень похож. Но Никольский звонить не может! К тому же она не слышала его год и почти наверняка ошиблась. От усталости воображение дорисовало детали, а на самом деле ее бывший пациент говорил иначе.

Юлиана шумно выдыхает и точными движениями находит в планшете аудиозаписи. Она иногда записывала приемы с пациентами, если они разрешали. При повторном анализе разговора можно было выловить важную информацию. Ни-

кольский не был исключением.

Вот она! Запись, сделанная в начале две тысячи девятнадцатого года. Юлиана нажимает на нее, проматывает на середину дорожки и слышит...

– Моя жена порой импульсивна, но я все равно ее люблю. Эти ссоры доводят меня до иступления. Сын говорит, во время наших стычек кажется, что мы готовы скальпы друг с друга поснимать...

Стоп. Пауза. Юлиана прикрывает ладонью рот, чтобы сдерживать рвотный позыв.

Голоса идентичны. Настолько, что живот скручивает от вызванной страхом боли. Юлиана откладывает в сторону планшет и едва добирается до окна, чтобы распахнуть его и сделать жадный вздох. Головокружение постепенно проходит, но тут раздается очередной звонок смартфона, и Юлиана вскрикивает.

– Черт возьми! – ругается она, когда видит на экране имя подруги. – Лиза, привет. Что? Да нет, просто душно в кабинете. – Фоном, как всегда, пищит один из детей Лизы. – Да, конечно. С удовольствием. Тогда до встречи.

Юлиана сбрасывает вызов и растерянно смотрит на легкое подрагивание собственной руки. Скрыть дрожь в голосе удалось, путь и с трудом, зато теперь ей кажется, что у нее сотрясается все тело. Нет, она на такое не подписывалась. Юлиана решительно нажимает на номер шутника, но, как и ожидалось, «абонент недоступен». Скорее всего, одноразо-

вая сим-карта уже сломана и выброшена. Не хватало, чтобы Юлиану начали преследовать. Интересно, откуда вообще стало известно, что именно она вела пару Никольских?

– Ах да, – раздосадованно морщится Юлиана. Перед глазами проплывают строки одной интернет-статьи, где сын Никольских Матвей называет имя психотерапевта.

Может, стоит его найти? Под ложечкой неприятно сосет.

Найти, чтобы что? Чтобы он плюнул ей в лицо? Конечно, прямых доказательств ее вины нет. Юлиану нельзя посадить за то, что жена Никольского спустя некоторое время после терапии вдруг вышла из ремиссии и зарезала мужа. С Юлианой не пытались связаться или написать на нее заявление в полицию. Если бы не шумиха по телевидению, никто бы и не связал ее лечение и страшную трагедию. Даже сама Юлиана не знала, что произошло.

Но теперь-то знает? И как жить дальше? Как жить, если при одном воспоминании о том, что она сделала, ей хочется завершить карьеру психотерапевта? Возможно, стоило послушать папу и пойти в юристы.

Какая разница... Уже слишком поздно. Самое страшное Юлиана успела натворить. И можно сколько угодно притворяться, что будто хорошо и жизнь не изменилась, но совесть не обманешь – она знает правду. Как и тот человек, который представился убитым Никольским...

IV

– Да вы издеваетесь!

У машины спустило переднее колесо. До Ильи не дозвониться – он никогда не снимает трубку, если работает с клиентом. Что в таких случаях делать, она не знает, а через полчаса в кафе ее ждет Лиза. Она уже наверняка в дороге со своей оравой детей и точно взбесится, если узнает, что Юлиана не сможет прийти.

– Черт!

Юлиана кидает мобильный в сумочку и кутается в плащ под холодным порывом ветра. Что ж, придется брать такси, а потом возвращаться за машиной.

– Проблемы?

Рядом на парковке тормозит мотоцикл и, когда его хозяин снимает шлем, Юлиана узнает Валентина. Ее сердце начинает биться учащенно. Черная косуха, растрепанные волосы и тяжелый, раздевающий взгляд. Такой взгляд обычно у мужчин старше тридцати лет, но никак не у студентов.

– Колесо спустило. Не знаю, как я так умудрилась... И как назло, опаздываю на встречу.

– Подвезти? – и Валентин с ухмылкой крутит газ. Мотоцикл приветливо рычит, и этот звук горячит кровь, возвращая в буйную молодость.

Юлиана вскидывает брови и улыбается, но почти сразу

улыбка исчезает.

– А что вы здесь делаете? Я думала, вы уехали с женой.

– Уехал, – кивает он. – А потом вернулся. Мне показалось, мы не договорили.

И он снова прожигает ее взглядом.

– Но у нас же будет сеанс, и не один. – Юлиана закидывает на плечо сумочку.

– Знаю. Но на них мы будем обсуждать мои отношения с Аллой. А мне сейчас не хочется об этом говорить. – Он протягивает Юлиане руку. – Если доверяете, можете оставить ключи от машины и я ее подлатаю. Найдете потом здесь, целую и невредимую.

Юлиана прикусывает нижнюю губу:

– Заманчивое предложение.

Возиться с машиной поздно вечером ей ой как не хочется.

– Так и быть, – она вытаскивает ключи из сумочки и отдает Валентину. – В конце концов, у администратора есть ваши паспортные данные. Так что я буду знать, кто виноват, если мою машину угонят. – Она прячет игривую улыбку за воротником плаща.

– Супер. – Он убирает ключи в карман кобуры и достает из сиденья женский шлем черно-красной расцветки. – А теперь садитесь.

– Что?

Валентин кидает ей шлем, который она едва успевает поймать.

– Садитесь-садитесь. Вы даже не в юбке, так что у вас нет уважительной причины для отказа.

– Нет, Валентин, – твердо отвечает Юлиана. – Я и так уже переступила границы дозволенного. А если сяду к вам, меня точно уволят.

Но он лишь ухмыляется уголками губ, и у Юлианы слегка кружится голова.

– Садитесь, я никому не скажу.

– А как же Алла? – щурится Юлиана.

– И ей тоже, – дерзит Валентин и кивает на ее часы. – Тик-так, тик-так.

Он прав. Юлиана опоздает, если станет ждать такси, а опаздывать она не привыкла. Но еще... Она так давно не каталась на мотоцикле. Соблазн оказывается слишком сладок.

– Хорошо.

Юлиана надевает шлем и застегивает его с первой же попытки. Пальцы помнят. Разум твердит: «Ты совершаешь ошибку!» Но несмотря ни на что Юлиана садится позади Валентина и неловко обнимает его за талию. Снова чувствует этот мужской, резкий аромат натуральной кожи и, забываясь, с упоением вдыхает его.

– Куда едем?

– Торговый центр «Пантеон».

– Тогда держитесь!

Мотоцикл с рыком срывается с места, и осторожные объятия превращаются в железную хватку. В ушах сливаются

шум города и рев мотора. Шлем защищает от хлесткого ветра. Адреналин вливается в кровь, и Юлиана не может сдержать восторженного смеха. Поэтому, когда они, маневрируя между машинами, останавливаются напротив крутящихся дверей «Пантеона», ее с головой накрывает волна сожаления.

– Спасибо, – охрипшим голосом произносит она и снимает шлем. – В юности любила мотоциклы. Даже под дождем нравилось кататься.

– На случай плохой погоды у меня припрятана машина, – хмыкает Валентин. – Ваша «птичка» будет ждать там же, ключи заведу завтра с утра и оставлю у администратора.

– Спасибо, Валентин, вы меня очень выручили.

Она встречается с ним взглядом и не может отвести глаза.

– Юлиана, а вы верите в любовь с первого взгляда?

Вопрос Валентина застает ее врасплох:

– Не знаю. Не думала над этим. А вы? – Она сама не понимает, зачем спросила. Из вежливости или от проклятого любопытства?

– Верю...

* * *

Они часто встречались в торговом центре «Пантеон» по двум причинам. Во-первых, из-за игровой комнаты для троих детей Елизаветы, во-вторых, потому что как раз напротив

игровой находилась «Кукушка», любимое кафе подруги. Если из детского уголка выбегала перепуганная нянечка, Лиза уже знала, что там начудили именно ее дети. Она с царственным видом вставала из-за столика и неспешной походкой шла к детскому центру, чтобы утихомирить сорванцов: пятилетнюю Дашу и трехлетних близнецов.

Порой Юлиане казалось, что Лиза не зря держится так величественно и среди ее предков наверняка были дворяне. Полная, с покатыми плечами и широким ртом, она важно рассуждала о классовых различиях, а в ее рыжих волосах, туго стянутых в пучок на затылке, отражались огни витрин.

– Привет, дорогая, – Лиза слегка поворачивает голову в сторону Юлианы, но все ее внимание сосредоточено на вишневом пироге. Один кусок отправляется в ее рот, второй – в рот Митьки, младшего из близнецов.

– А этот почему не в ссылке?

Юлиана усаживается за стол и быстро оглядывается, но нигде не видит остальных детей Лизы. Только спешащие люди, нагруженные покупками – кто-то в масках, кто-то без, – и эскалаторы, беспрерывно тянущиеся вверх и вниз.

«Кукушка» как всегда переполнена, но любимый столик Лизы ее дождался. Он всегда свободен для нее.

Митька с перемазанным вареньем ртом выпучивает на Юлиану глаза. Она в ответ лишь кривится.

– Он сегодня капризный жуть, аниматор тут же сдала его обратно, – вздыхает Лиза.

– Правильно. Вряд ли в детской комнате дают пироги.

Юлиана заказывает эспрессо и проверяет в телефоне уведомления – ни одного нового. Задумчиво проматывает переписку с Ильей. Раньше он часто звонил или писал среди дня. А потом что-то изменилось.

Но ведь сегодня утро началось изумительно, и на какой-то миг она позволила себе поверить, что секс добавит тепла в их отношения. Но нет, весь день муж все так же ее игнорировал. Видимо, их брак начинает изживать себя. Еще этот несчастный звонок выбил Юлиану из колеи... и Валентин.

– Митя весь в отца, – снова вздыхает Лиза, словно эта фраза объясняла поведение сына.

Юлиана разглядывает малыша, у которого до сих пор вместо волос рыжий пушок, а щеки – самая большая часть лица. Нет, определенно, все дети Лизы в мужа. В них нет ни капли материнского обаяния, даже в старшей Даше.

Она прокручивает в голове воспоминание о том, как Лиза с мужем пришли к ней на сеанс, чтобы наладить отношения. Потребовалось всего пять приемов, чтобы решить их проблемы. А потом, незаметно для себя, Юлиана с Лизой стали общаться вне работы, хотя двух более непохожих женщин тяжело сыскать. Но Юлиана была довольна их странной дружбой. Теперь она и правда могла излить кому-то душу и поведать секреты, а Илья перестал нудеть, что у нее совсем нет подруг.

Лиза делится похождениями Даши в садике и тем, как

она отбивается от непрошенных советов воспитателей. Юлиана слушает ее вполуха, не желая ни перебивать, ни комментировать. Ей просто приятно слышать хоть что-то, не относящееся напрямую к работе и таинственным звонкам с того света.

– А когда у вас ждать прибавления в семействе? – Лиза ехидно улыбается и, не глядя, засовывает мелкому в рот последний кусок десерта.

Коварный вопрос заставляет Юлиану снова вернуться к разговору:

– Ох, Лиза! И ты туда же? Я так радовалась, что ты единственная не донимаешь меня этим вопросом. Как же быстро ты... очеловечилась. Ты ведь знаешь, дети – это не мое, – категорично добавляет Юлиана.

– Ты не можешь быть так уверена. Я тоже не выношу чужих детей. Более того, я даже не понимаю, как их родители терпят этих маленьких чудовищ, хотя сама мать троих. А все потому, что свое – это свое. Пока не родишь, не знаешь, любишь ты детей или нет.

– Спасибо, что напомнила. Беременность и роды – это еще одна причина, по которой я не спешу становиться матерью.

Юлиане приносят эспрессо, и она с благодарностью переключает внимание на кофе. Его терпкий аромат на время отключает шум торгового центра вместе с недовольным писком Митьки, которому не дают попить, и стирает горький осадок от неприятного разговора.

– Знаешь, мы знакомы всего год, может меньше, – Лиза сует сыну поильник и игрушечного робота, чтобы отвлечь его внимание, – но сдается мне, твоя проблема глубже банального нехотения. Кажется, ты упоминала, что страдаешь клаустрофобией? Не расскажешь, как именно заработала такую «особенность»?

Юлиана стискивает маленькую чашку с эмблемой кафе – желтой кукушкой – и одним глотком допивает напиток.

– Нет. – От воспоминаний бросает в холодный пот. Она вновь превращается в маленькую девочку, которую...

Усилием воли Юлиана обрывает собственные воспоминания и встает из-за стола.

– Лиза, если я захочу записаться к психологу, то не волнуйся, у меня много знакомых из этой сферы.

– Юлиана, ты что? Я не хотела тебя обидеть. – Лиза тоже поднимается, но Митя дергает ее за широкий рукав.

– Знаю, просто сегодня был тяжелый день. К тому же твой сын вряд ли даст нам посплетничать. – Юлиана легким поцелуем касается полной щеки Лизы и заставляет себя улыбнуться малышу. – До встречи, дорогая.

В ответ Лиза молчит и провожает Юлиану тяжелым взглядом, который та чувствует печатью между лопаток, пока не выходит из торгового центра.

Юлиана скидывает ботильоны на тонком каблуке и блаженно разминает ступни, сидя на бежевом пуфике в прихожей. В квартире, несмотря на поздний час, тихо. Так тихо, что кроме собственного сердцебиения и дыхания ничего не слышно. Она не выдерживает и набирает номер Ильи. После пары длинных гудков, эхом отзвучавших в голове, он отвечает:

– Привет-привет.

– Ты где?

– Как злобно, – смеется Илья. – Приезжай ко мне на работу и увидишь, где я нахожусь. Если ты, конечно, еще помнишь дорогу.

Юлиана мысленно осаживает себя и вздыхает:

– Не переживай, помню. Я, считай, там выросла. И да, я злая. У меня колесо спустило, а муж не отвечает и не перезванивает. Хорошо, что клиент вызвался помочь. Ты вообще дома появишься?

– Прости, детка, мне следовало перезвонить. Но доверитель за сегодня уже вынес мне мозг. Ненавижу разводы... – Илья горестно вздыхает. – Через час буду дома, надеюсь... Так что с машиной?

– Уже все улажено.

– Мне следует ревновать к столь обходительному пациен-

ту? – вкрадчиво интересуется муж.

– Ты же знаешь, у меня одни семейные пары. Я, как и ты, ненавижу разводы и стараюсь их предотвращать, – хмыкает Юлиана. Она плечом зажимает мобильный и вешает плащ в шкаф-купе. – Ладно, пойду приготовлю ужин.

– Ты сегодня меня удивишь? У нас будет домашняя еда? – смеется Илья.

Юлиана усмехается и, перед тем как сбросить вызов, отвечает:

– Да, называется пельмени «Моя хозяйюшка».

Она смотрит на почерневший экран монитора. Да, ревновать и правда не к чему. Валентин всего лишь подвез ее, ну и наплел ерунды насчет любви с первого взгляда.

Она поворачивается к спальне, но краем глаза замечает, что дверь в угловую комнату с эркером приоткрыта. Нахмурившись, Юлиана раскрывает ее шире и включает свет, который озаряет пустое помещение. Голый пол, белые стены. И окно без занавесок, словно обнаженная девица.

Раньше тут был домашний кабинет Ильи, но месяца три назад он заявил, что ему хватает работы в офисе, и нанял друга сделать ремонт, пока они отдыхали в Крыму. Тот переклеил обои, убрал мебель. Зачем?

Юлиана морщится, когда на ум приходит Лизин вопрос. Не дай бог, Илья захочет детей. Тогда их спокойной жизни придет конец.

Юлиана захлопывает дверь, с треском отсекая ворох бес-

покойных дум. В спальне она снимает рубашку Ильи и мнет в руках. Взгляд задерживается на двери в гардеробную. Одиночество и тишина делают свое черное дело, навевая густые воспоминания. От них не спрятаться.

Чулан. Ей шесть лет. Дверь закрывается.

Темно.

Холодно.

Страшно.

Она кричит, но никто не слышит. Не слышит самый главный человек в мире.

Мама.

Не слышит или не хочет слышать? Ведь она совсем рядом. Там, с той стороны, где нет жуткой темноты, от которой рябит в глазах...

Юлиана отшатывается от двери, к которой подошла почти вплотную, и вытирает ладонью покрытый испариной лоб.

– Все в прошлом...

Обычно, когда у нее случается приступ клаустрофобии, эти слова произносит Илья, но сейчас она одна. Как в детстве.

Страх, который невозможно побороть гипнозом, психоанализом или ворожкой... Что только Юлиана не испробовала! Мысль, что блок в голове мешает избавиться от клаустрофобии, приводила в бешенство, и поэтому она с яростью принялась изучать психологию, надеясь, что сумеет помочь себе сама. Но ошиблась.

Юлиана открывает дверь в гардеробную на максимум и через силу заставляя себя войти. Вешает рубашку на плечики и уже собирается выйти, как голова сама запрокидывается и взгляд устремляется на верх стеллажа, где лежит та самая коробочка, с которой началось утро. Юлиана приподнимается на носочки и дрожащими пальцами стаскивает ее с полки. Быстро, на одном вдохе выбегает из гардеробной, спотыкаясь о ковер и летит на пол вместе с коробочкой.

Удар – саднящая боль в колене.

Крышка слетает с коробочки, и содержимое вырывается наружу. Фотографии, газетные вырезки, мягкая кукла с пуговицами вместо глаз. От неожиданности Юлиана отползает назад и замирает на четвереньках, диким взглядом поедая фотографии.

Вдох, выдох, вдох, выдох... Осторожно, будто трогает холодный труп, одним указательным пальцем Юлиана придвигает к себе верхнее фото и рассматривает его в мельчайших деталях.

Раскидистое дерево, которое растет на даче матери Ильи. Юлиана любила устраивать под ним пикники. Часто стелила плед в зелено-коричневую клетку и приносила корзинку с едой. Она не помнит, когда Илья сделал это фото. Яркий солнечный день, она сидит под деревом и улыбается. А рядом с ней годовалая малышка с синими бантиками на голове.

Еще одна фотография. Зима. Горы. Юлиана с Ильей стоят на лыжах, а на животе Ильи в эргорюкзак висит та же девоч-

ка. Она в смешном оранжевом комбинезоне и шапке, которая завязывается под подбородком. Малышку можно узнать лишь по голубым глазам. Они точно такие же, как на предыдущей фотографии.

Юлиана не помнит, чтобы они с Ильей ездили в горы. И в животе скручивается нервный узел. Ни одну из фотографий, которые спрятаны в коробке, она не помнит. Но на каждой из них запечатлены либо Юлиана с незнакомой девочкой, либо еще и Илья.

Она раскидывает снимки, жадно вглядывается в изображения, но не помнит, не помнит... Ни черта не помнит!

Юлиана берет в руки тряпичную куклу, местами потертую, и тут же кулаком прикрывает рот, стараясь сдержать рвотный позыв. Детская игрушка летит на пол, а Юлиана на мгновение прикрывает глаза. Пытается успокоиться с помощью глубокого дыхания, но кровь издевательски стучит в висках, а перед глазами мелькает множество чужих, и в то же время своих фотографий. Юлиана опирается ладонью на пол и случайно сминает газетную вырезку. Подносит ее ближе к глазам и понимает, что это распечатанный скриншот из Интернета. Она вчитывается в черные буквы, такие мелкие, что становится дурно. В затылке разрастается головная боль, которая грозит задержаться надолго.

Июль две тысячи восемнадцатого года. Женщина с маленькой дочкой попала в автокатастрофу. Они ехали по трассе поздней ночью. Был дождь. Навстречу им вылетел пьяный

водитель на старой иномарке. Столкновение. Выжила только мать.

Выжила только Юлиана.

V

Однажды у моря...

– Это тебе, – долговязый парень смущенно протягивает Ангелине сорванную ромашку.

Ангелина подтягивает к себе колени. Голые ступни зарываются в горячий песок. Здесь, на берегу моря, где соленый ветер игриво путается в волосах, она чувствует себя по-настоящему свободной. А теперь на ее свободу посягнули. Кажется...

– Где ты нашел цветок?

Ангелина бросает робкий взгляд на свой дом, стоящий в двадцати метрах позади нее, такой милый и приветливый снаружи. Идеальный образчик лицемерия. И она замечает, как занавески на окнах шевелятся.

– Секрет, – парень улыбается и садится рядом. – Я знаю, что тебя зовут Ангелина. Парни говорили, что к тебе не стоит подходить. А я рискнул.

Слова незнакомца ранят. Ангелина осторожно сжимает ромашку пальцами и прикусывает нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

– Потому что ты – дочка Кристины Альбертовны. И вы – фанатики.

Честность парня поражает. И в то же время подкупает.

– Все мы – христиане. Просто кто-то верует сильнее, – осторожно поправляет Ангелина, все еще не понимая, как к нему относиться. – А кто ты?

– Олег.

Он улыбается, и передний кривоватый зуб бросается в глаза. Но это смотрится мило. Да, вот так можно описать и самого Олега. Он ни красивый, ни страшный, а милый.

– И каково быть истовыми верующими? – продолжает допытываться он.

Ангелина пожимает плечами:

– Нормально. Но мне не с чем сравнить. Я слышала, нас называют чокнутыми. Но... это не из-за того, что мы... – Она переводит дыхание. – В общем, есть много причин. Но мы вовсе не такие плохие, как все думают.

– Я не верю, что есть плохие люди. Скорее несчастные, – тихо признается Олег, и его признание заставляет Ангелину взглянуть на него внимательней.

– Почему ты подошел ко мне? – вырывается у нее.

Ладони потеют, и одинокая ромашка в руках вянет на глазах. Ангелина устремляет взгляд в бескрайнее море. Так хочется сбежать! Она снова смотрит на дом. Занавески больше не шевелятся, но Ангелина знает, что *она* там и наблюдает.

– Ты мне нравишься. Я бы подошел раньше, но друзья утверждали, что тебе нельзя разговаривать с чужими.

– Но ведь мы познакомились, а значит, больше не чужие?

Олег смеется, и Ангелина робко улыбается в ответ. А он

действительно милый.

* * *

Пальцы, сжимающие вилку, нервно дрожат. Щека непроизвольно дергается. Губы вытягиваются в трубочку, и гримаса тут же искажает лицо. Ангелина ерзает на стуле, и в итоге вилка падает на стол, ударяясь о край пустой тарелки.

– Контролируй себя, – холодно замечает мать.

Ангелина поднимает взгляд и упрямо вскидывает голову:

– А то что? Отстегаешь меня ремнем, как в детстве? – Она скрипит зубами. – Рискни, я ведь потом и в суд могу подать.

Кристина Альбертовна поджимает губы и ставит на стол жаркое. Аромат тушеной свинины с картофелем заставляет желудок урчать. Что ни говори, а мать – превосходная хозяйка. Точнее, Кристина Альбертовна. Стоит один раз, пусть мысленно, назвать ее по имени-отчеству, как в следующий раз уже легче. А однажды Ангелина и вовсе перестанет ее как-либо называть.

– Ты утрируешь. Но Бог уже покарал тебя за своеволие. Теперь я бессильна и не смогу тебя защитить.

– Это не Бог меня покарал, а твое эгоистичное желание иметь детей.

– Значит, я виновата в том, что дала тебе жизнь? – Мать с грохотом ставит стакан с домашним лимонадом, и прозрачные капли летят на стол. – Ты вся в отца. Он говорил нечто

подобное. Но я благодарна Христу за то, что твой отец умер. После его смерти я обрела веру в Бога, который даровал мне исцеление. – Постепенно успокаиваясь, она протирает стол тряпкой в красный цветочек.

Ее любимый узор. На скатерти голубые ромашки, на занавесках синие васильки. И только в спальнях царит монастырский аскетизм.

– Ты стала фанатичкой.

Почему, когда слезы наворачиваются на глаза, кажется, что веки горят?

– Лучше быть здоровой верующей, чем больной атеисткой, – равнодушно роняет Кристина Альбертовна. – Ты должна родить ребенка, пока можешь. Судя по симптомам, тебе недолго осталось.

– Господи, я твоя дочь, а не инкубатор! – Ангелина вскакивает из-за стола, так и не съев ни кусочка. – Тебе что, совсем все равно – умру я или нет?!

– Зачем лить слезы из-за неизбежного? Лучше сделать то, что в наших силах. Если ты родишь мне внука, я выращу его в истинной любви к Богу и наше проклятие прервется.

Кристина Альбертовна невозмутимо накладывает жаркое в тарелку и принимается есть маленькими кусочками. Чинно промокает уголки губ салфеткой, как будто обсуждает погоду, а не смертельную болезнь, которая досталась Ангелине по наследству.

– Со мной у тебя не вышло, почему ты веришь, что с вну-

ком получится? – фыркает она.

Аппетит пропадает окончательно, и еще недавно урчавший желудок теперь болезненно сжимается.

– Учту свои ошибки, не буду столь мягкотелой.

Ангелина выдерживает равнодушный взгляд матери.

– Значит, со мной ты была мягкой... Неважно. – Она поворачивается к двери, чтобы не видеть холодного, зловещего лица Кристины Альбертовны. – Я умру девственницей, а раз уж я атеистка, то вряд ли Иисус одарит меня непорочным зачатием, – с горьким смешком добавляет она и выбегает из дома.

На море бушует сильный ветер. Он гонит пенистые волны на берег и прибывает мокрый песок к камням. На горизонте синее небо, и похожая тьма накрывает душу Ангелины. Глубокий вдох наполняет легкие солью и кислородом, от которого кружится голова.

Ангелина кутается в старую шерстяную шаль и идет вдоль берега, не обращая внимания на ледяные брызги. Они орошают ноги до тех пор, пока сандалии не промокают насквозь, а ткань длинного монашеского платья становится невыносимо тяжелой для плеч Ангелины. В семнадцать лет последнее, о чем хочется думать, – это смерть. Собственная смерть.

– Лина! – громкий окрик заставляет поднять голову и быстро утереть слезы, которые стали еще солоней из-за морского ветра.

Олег бежит к ней через безлюдный пляж, и его тощая фи-

гура кажется такой забавной в широких джинсах, которые явно ему велики, и толстовке с капюшоном.

– Я так и знал, что ты обязательно выйдешь гулять в такую погоду! – довольный собой Олег улыбается.

– Почему? – Ангелина сама поражается тому, как тихо и надрывно звучит голос.

Олег замечает ее состояние и хмурится:

– Потому что на пляже сейчас пусто. Что-то случилось?

Обыденный вопрос уничтожает остатки Ангелининого самообладания. Она с горьким возгласом закрывает лицо руками, но слезы уже не остановить, они льются, прожигая на лице соленые дорожки. А вслед за ними начинает накрапывать дождь.

– Пойдем, – Олег бережно обнимает ее за плечи, – я знаю одно место, где очень вкусное какао и никто тебя не обидит.

Глава 2. Любить нельзя ненавидеть

I

Звук хлопнувшей двери доносится словно из другого измерения. Последний час, или два, или три – время потеряло четкие границы – Юлиана провела, сидя на полу, перебирая фотографии и вчитываясь в распечатки статей из Интернета. Их содержание мало чем различалось и сводилось к одному и тому же: два года назад Юлиана попала в автокатастрофу. Кроме нее в машине была ее двухлетняя дочь. К тому времени, когда полиция прибыла на место ДТП, девочка умерла...

– Юля?

Юлиана нервно дергает головой:

– Не называй меня так.

Она смотрит на Илью, который замер на пороге их спальни, будто сквозь пелену тумана. Приходится часто моргать, но предметы все равно расплываются перед глазами. Чувства вдруг обостряются. Юлиана, наконец, замечает, что ее бьет дрожь от холода, ведь она сидит на полу и на ней только бюстгальтер и брюки.

– Прости.

Илья стаскивает с постели велюровое покрывало и подходит к Юлиане так, словно она – дикое животное. Одно неверное движение, и оно набросится на него, выпустив острые когти.

– Что это?

На плечи опускается шершавая ткань. Илья так тщательно расправляет складки, как будто это бальное платье. Затем задерживает на затылке Юлианы тяжелую ладонь.

– Ответишь?

Он лишь тяжело вздыхает:

– То, что ты не должна была найти.

Юлиана вскидывает голову, чувствуя, как холодеют и без того ледяные пальцы. Как неистово бьется сердце, пульсируя в груди.

– Ты издеваешься? – Она цепляется за его руку и встает на негнущиеся ноги. – Что это? Откуда эти фотографии?

Юлиана припечатывает к груди Ильи снимок трех людей, трех незнакомцев, пусть даже когда-то она знала двоих из них.

– Юлиана, прошу тебя, успокойся. – Глаза мужа мечутся, а на лбу выступают бисеринки пота. Его лицо сейчас блее извести, почти серого цвета. – Тебе стоит лечь в постель, а завтра я позвоню Евгению Анатольевичу...

– При чем здесь мой начальник?!

Юлиана отталкивает Илью и сама чуть не валится на пол. Живот скручивает от тупой боли, заставившей ее согнуться

пополам. Взгляд вновь упирается в распечатки фотографий с места аварии. От машины живого места не осталось, непонятно даже, что это за модель. Зад полностью разворочен, капот смят.

Юлиана всхлипывает и на секунду закрывает глаза. Нужно взять себя в руки. Этого не было. Она ничего не помнит, а значит, этого не было. Надо дышать, главное, не забывать дышать. Раз, два, три, четыре... На цифре десять боль в животе отпускает, и Юлиана медленно разгибается.

Только теперь до нее доносятся слова Ильи:

– ...я боялся тебя потерять. Если бы не он, ты бы свела счеты с жизнью.

– Евгений? – непонимающе переспрашивает она.

– Да. Именно он вывел тебя из депрессии, а потом... Потом произошло странное. Я не знаю, как это объяснить, но Евгений утверждал, что ты сама вытеснила страшное воспоминание из памяти. Причем не только факт аварии, но и... – Его голос срывается.

– Но и что?

Юлиана берет Илью за подбородок и заставляет посмотреть себе в глаза.

– Но и нашу дочь. Зою, – опустошенно добавляет он, словно понимает: после этих слов прошлой жизни уже не вернуть. Ни вымышленной, ни реальной. Ни-ка-кой.

Юлиана отпускает Илью и скидывает покрывало на кровать. На полном автомате передевается в элегантный до-

машинный костюм черного цвета, и тот холодным шелком льнет к коже.

Она замерзла не только снаружи, но и внутри. И теперь ей уже не хочется ни тепла, ни прикосновений мужа. Внезапно ее пробирает смех, и Юлиана опирается на комод, пытаясь сдержать истерические смешки, но затем сдается, и сдавленное хихиканье превращается в громогласный хохот.

– Юлиана, тебе надо успокоиться. – Голос Ильи кажется раздражающим шумом. – Хочешь, заварю тебе ромашку? Тебе не помешает поспать, а утром, когда придешь в себя, мы...

– Придешь в себя? – перебивает его Юлиана. – Я в себе. Абсолютно. А вот чего ты пытаешься добиться этими жалкими манипуляциями, для меня загадка. Думаешь, я такая дура, что могла забыть собственную дочь? Забыть, как ходила беременная, рожала, воспитывала ее два года, забыла чертову аварию? Илья, я – психотерапевт. Ты пытаешься обвести меня вокруг пальца на моей же территории, – усмехается она. – Не смешно ли?

Каждое ее слово бьет Илью похлеще оплеухи. Даже избеив она его по-настоящему, это не возымело бы такого эффекта. Он съеживается на глазах. Становится прозрачным, хрупким. Остаются только огромные глаза с лопнувшими сосудами. А в остальном – жалкая тень от спортивного и крепкого мужа. Эта тень стоит, поджав губы, и трясется. Неизвестно, от страха или от боли. Впрочем, Юлиане все равно.

– Что ты молчишь? Думал провести меня фотошопом? – Юлиана встает на фотографии, и они прилипают к босым ступням. – Где еще доказательства? Видео, свидетельства о рождении и смерти? Господи, да зачем я вообще требую что-то доказывать мне, я ведь еще в своем уме! – Юлиана вцепляется пальцами в волосы.

На смену истерике приходит мигрень. Она расплзается от висков к затылку, щемящей болью заглатывая рассудок.

– Документы в коробке, ты еще... – Илья прокашливается, – не до конца просмотрела. Видео нет. Здесь все, что я смог спасти. Остальное, что было на компьютере и смартфонах, ты удалила.

– Спасти? От меня? – Юлиана подходит почти вплотную к Илье. О, этот знакомый океанический аромат, от которого кружится голова. Но сейчас он вызывает тошноту. – Я – всемирное зло, получается?

– Можешь прекратить? Я тоже потерял дочь, но, в отличие от тебя, не свихнулся!

Крик Ильи отрезвляет, и от неожиданности Юлиана чуть не поскользывается на разбросанных фотографиях. Илья ловит ее и прижимает к груди, где рвется на куски его сердце.

– Ты кричала, что начнешь новую жизнь. С чистого листа. Я едва успел спрятать от тебя часть фотографий, потому что ты уничтожила почти все. А на следующий день проснулась счастливая, будто и не было ничего, – тараторит он, словно она отвела ему ровно минуту на признание. – Это произо-

шло примерно через две недели после... трагедии. Евгений предположил, что ты не выдержала горя. Ведь за неделю до этого мы похоронили твоего отца. И лишиться в одно лето двух любимых людей... Не каждый здоровый человек способен это вынести. К тому же... – Он резко замолкает.

– К тому же что? – хрипит она.

Слова Ильи едва долетают до ее сознания. Юлиана силится вспомнить, но любая попытка сродни заглядыванию в бездонный колодец. Блики солнца на поверхности, а дальше тьма.

Дети? У нее была дочь? Юлиана не любит детей. И не представляет себя матерью. А почему?

– Полиция ехала очень долго. Водитель, который в вас врезался, погиб на месте. Ночью на той дороге безлюдно. Ты была зажата в машине все время, что ждала помощи, – шепчет Илья. – И не могла помочь Зое. После этого у тебя начались приступы клаустрофобии.

– Что? – Юлиана пытается вырваться, но Илья сильнее сжимает ее в объятиях. – Ты прекрасно знаешь, что клаустрофобия у меня из-за матери...

– Ты все выдумала, Юлиана. Ты даже не помнишь, что в пустой комнате была детская, хотя сама заставила меня выбросить всю мебель и переклеить обои. Я не знаю, что произошло. Это необъяснимо. Но лучше жить с тобой, которая ничего не помнит, чем с той, такой ты была раньше, когда сходила с ума от горя и пыталась повеситься.

Юлиана изворачивается и кусает Илью за ладонь, заставляя его вскрикнуть от боли. Она не удерживается на ногах и падает на пол, фотографии разлетаются в разные стороны.

– Иди на хрен! – орет Юлиана, захлебываясь слезами. – Я прекрасно знаю, что такое вымышленные воспоминания. И сама могу внушить тебе все что хочешь. Но со мной провернуть такое не получится!

– Прошу тебя, – Илья зажимает кровоточащую руку.

Юлиана даже не поняла, что прокусила ему кожу, и лишь сейчас чувствует неприятный металлический привкус, но ей кажется, что этого мало, и она готова разорвать мужа на куски.

– Убирайся! – цедит она сквозь зубы.

Почему ей так больно? Словно у нее и правда умерла дочь, а она целых два года преспокойно жила в полном неведении.

– Хорошо, – Илья отступает назад. – Я переночую у матери. Вернусь завтра. Только, пожалуйста, не ходи на работу, я все объясню Евгению. Он предупреждал меня, что такое может случиться.

Он уходит в коридор, дверь гардероба тихо хлопает.

– Ничего бы не случилось, не найди я коробку, – орет ему вслед Юлиана. – Но ты хотел, чтобы я ее нашла! Ты все подстроил! Ненавижу... – от усталости она оседает на пол. – Можешь не возвращаться от своей мамы. Я вас ненавижу! Обоих! И не смей звонить моему начальнику... – Но последние слова повисают в гудящей тишине пустой квартиры.

Он ушел, она сама его выгнала, и лишь теперь поняла, что у нее осталось еще так много вопросов. Однако абсолютно нет сил, нет желания бежать следом за Ильей и пытаться повернуть их разговор в цивилизованное русло. Да и не способна она сейчас вести себя как адекватный человек. Ее пальцы трясутся и хочется выпить чего-нибудь покрепче, так, чтоб отшибло... память?

Юлиана тихо смеется. Судя по словам Ильи, это уже произошло. Память отшибло так, что она переписала два года своей жизни. Если бы это и правда можно было сделать! Взять видеозапись всех лет и в специальной программе обрезать, переключить, удалить лишние кадры, добавить новые. Но, увы, так не бывает. Это невозможно, как и то, о чем говорит Илья.

Но ты ведь уже так поступала, Юлиана?

Вкрадчивый голос совести просыпается на задворках сознания.

Ты же влезала в голову к другим людям. А чем твое сознание отличается от их?

Юлиана потирает переносицу и собирает в кучу разлетевшиеся фотографии. Взгляд замирает на том снимке, где она сидит под деревом с девочкой.

– Зоя, – примеряет короткое имя к маленькой незнакомке, и оно на удивление очень хорошо той подходит. Как Золушке ее туфелька.

Юлиана забрасывает фото в коробку и закрывает ее

крышкой. Не сейчас. Пока что она не способна мыслить здраво, а от головной боли хочется лезть на стену.

Юлиана достает из тумбочки начатую пачку обезболивающих таблеток и закидывает пару в рот. Без воды разом проглатывает их и молча забирается в кровать. Холодную кровать, такую чужую и пустую без Ильи.

Зачем Юлиана его прогнала? Сейчас ей как никогда нужен близкий человек.

Но ведь он лжет? Или нет? А если да, то зачем?

Юлиана сжимает в объятиях подушку Ильи, вдыхая родной запах, и засыпает с мокрыми от слез щеками.

II

– Мама, мама...

Тихий шепот проникает в уши.

– Мама, мама...

Юлиана дергает головой, пытаясь прогнать его, но он только усиливается. Надо разлепить глаза, заставить себя вырваться из сна или, скорее, транса, но ей сложно даже пальцем пошевелить.

– Мам, больно! – детский голос усиливается, превращается в крик.

Юлиана оказывается посреди пустынной дороги. Туманные уличные фонари светят через один, слепящий дождь накрапывает, но с каждой минутой усиливается, ухудшая и без того плохую видимость. Юлиана стоит и не может двинуться с места, будто ее ноги приклеены к асфальту. А навстречу ей мчатся яркие пятна светодиодных фар. И рев мотора накрывает с головой, как цунами, затягивая в бездонную пропасть.

– Нет!

Юлиана с криком вырывается из сна, и даже ненавязчивые звуки природы, поставленные в качестве сигнала будильника, вызывают отвращение. Пижама прилипла к мокрому от пота телу. Дрожащими пальцами Юлиана расстегивает пуговицы и подставляет разгоряченную кожу прохладному воз-

духу. Подсознание превратило вчерашний разговор с Ильей в ночной кошмар, заставив Юлиану долгие часы метаться в постели.

Она пытается выбраться из кровати, но скрученная простыня цепляется за щиколотки. После минутной борьбы все же удается высвободиться и доковылять до ванной комнаты.

Сидя на краю ванны, Юлиана равнодушно смотрит, как набирается вода. Мягкое журчание успокаивает и помогает расслабиться, хотя в голове до сих пор сумятица. Со вчерашнего дня ее отлаженная жизнь перевернулась. Сначала злой шутник представился по телефону мертвым Никольским, затем она вскрыла проклятую коробку, поссорилась с мужем... Юлиана упирается затылком в холодную плитку. Если подумать, все покатилося под откос после той телевизионной передачи.

В обычном ток-шоу, которых пруд пруди, разбирали скандал с одним психотерапевтом. Юлиана смотрела вполглаза. Вроде бы действия врача привели к попыткам суицида у его пациента, но все обошлось. Было ли шоу постановочным, неизвестно, однако его участники вели себя неестественно. А затем, в самом конце, ведущий стал перечислять ужасные трагедии, которые происходили якобы по вине психотерапевтов. И произнес роковые для Юлианы слова: «... почти год назад страшная драма разыгралась в семье Никольских, которые посещали психотерапевтический центр, чтобы спасти свой брак. Жена сошла с ума и зарезала мужа, а

сама коротает дни в психбольнице, окончательно потерявшись в своих фантазиях...»

А потом сын Никольских слил журналистам, что именно Юлиана лечила его родителей, и началась осада центра с целью выудить подробности. Неизвестно как, но Евгений сумел приструнить репортеров, и спустя неделю они вроде бы успокоились. Но на их место пришли новые, и теперь кажется, что из этого ада не вырваться.

Хотя жизнь дала трещину еще раньше, когда Илья впервые не пришел ночевать домой. А ведь, если автокатастрофа не вымысел, он два года жил с мыслью, что их дочь погибла...

...Вода льется через край, и пижамные штаны Юлианы намокают.

– Черт! – Она поспешно выключает кран и спускает лишнее.

Сейчас Юлиана примет ванну, и ей станет легче. Конечно, она не смоет грязь с измученной совести, но станет мыслить здраво, а не считать себя безумной, как Вера... Когда Юлиана погружается с головой в теплую воду, в памяти всплывает бледное лицо жены Никольского. Под ее темными прекрасными глазами от недосыпа залегли круги. Черные короткие волосы подстрижены рвано и выглядят неряшливо, как и растянутая вязаная кофта. А еще от Веры всегда пахло мятным кремом для рук. Простушка вроде бы, но было в этом мышинном личике без косметики что-то необъяснимое,

такое, что взгляд не оторвешь. А ее муж при личной беседе с Юлианой доверительно произнес своим чувственным голосом с французским «р»: *«Моя жена порой слишком импульсивна»*.

Эта импульсивность стоила ему жизни.

* * *

Юлиана закидывает в сумочку мобильный телефон и с опаской поглядывает на коробку. Но нет, сейчас у нее нет сил копаться в прошлом. К тому же большой вопрос – прошлое ли это?

Она надевает пальто, однако перед самым выходом ее останавливает звонок смартфона.

– Алло? – Юлиана даже не пытается скрыть раздражение. Да, ночью ей не хватало Ильи. Но сейчас разговаривать с ним – все равно что слышать лязг ножа о точильный камень.

– Мы можем поговорить? – Из-за волнения голос Ильи звучит прерывисто.

– Я опаздываю на работу.

– Юлиана, тебе не стоит никуда идти в таком состоянии...

– Ты все-таки позвонил Евгению?

– Нет, но лучше тебе остаться дома. Я могу с ним поговорить, он все поймет.

Это что, отчаяние сквозит в его голосе? Юлиана упрямо поджимает губы:

– Не смей. Я сама с ним поговорю. А с тобой... – она сдерживает очередную грубость, готовую сорваться с языка. – Если хочешь, приезжай вечером. И захвати вина. Бутылки две красного не помешают.

Ответ ее мало интересуется. Она и так знает, что он придет, поэтому сбрасывает вызов и выходит в сырой подъезд. Бетонные ступени отзываются на ее шаги глухим стуком каблучков, который назойливо застревает в ушах. На улице Юлиана невольно замирает при виде снежинок, мечущихся по воздуху под порывами ветра. Снег? В октябре? Еще вчера стояла невообразимая духота.

Холодные капли оседают на губах.

– *Снеговик! Снеговик!* – звучит в голове звонкий детский голос.

Юлиану передергивает от внезапного отголоска воспоминания. О нет! Она знает, как устроена память. На фальшивое фото с мужем и неизвестной девочкой в горах наложились вкус снега плюс этот умоляющий голос Ильи, и все... Подсознание начинает подготавливать почву для вымышленных воспоминаний. Черта с два она позволит своему разуму себя обмануть!

Приехав в «Санитатем» на такси, она даже не здоровается с Ингой, лишь бросив сухое:

– Для меня привозили ключи от машины?

– Да.

Инга настороженно протягивает Юлиане брелок от «Ми-

ни Купера», и та коротко приказывает:

– Отмени все приемы на сегодня.

– Что? Но...

Ее слова уже не достигают сознания Юлианы. Даже если все это всего лишь дурацкий розыгрыш Ильи, она не в состоянии принимать пациентов, когда мысли полностью заняты... Зоей.

Возле кабинета Евгения Анатольевича она останавливается и некоторое время старательно дышит, словно опасаясь, что следующий вдох будет последним. А затем стучится костяшками пальцев.

– Войдите.

Евгений принимал клиентов не так часто, как остальные психотерапевты центра, но все же время от времени проводил сеансы и зарекомендовал себя компетентным профессионалом. Правда, порой Юлиане казалось, что те женщины, которые записывались к нему на прием, вовсе не были его пациентками. Однажды она заметила, как у одной из них мелькнул под плащом черный пеньюар. Хотя, кто знает, может, это такой фетиш.

Но кто станет критиковать работу начальника? Центр принадлежит ему, и правила устанавливает тоже он.

– Надо поговорить, – с порога заявляет Юлиана.

– Удивительно, как это ты дверь с ноги не вышибла, – язвит Евгений и отрывает взгляд от кожаной папки, в которой бухгалтер обычно приносит ему отчеты за предыдущий ме-

сяц.

– Не то настроение.

Юлиана закрывает за собой двери и садится в удобное глубокое кресло напротив стола Евгения. Ноги она закидывает на пуфик и на минуту прикрывает глаза, пытаясь расслабиться. Вдох – и выдох в два раза длиннее. Обычно спокойное дыхание помогает ей быстро погрузиться в легкий транс и привести мысли в порядок. Но сегодня она не позавтракала, лишь выпила на голодный желудок чашку горького кофе, нервы натянуты так же, как вчера, и дыхательная практика не помогает.

– Я отменила все сегодняшние приемы, – наконец сообщает она и открывает глаза.

– Причина?

– Вчера Илья заявил, что у нас была дочь, – на одном дыхании выпаливает Юлиана.

Холодное спокойствие на лице Евгения дает трещину. Он поспешно кладет папку на стол, чтобы скрыть нервную дрожь в руках, которая выдает его с головой, и откидывается в кресле, приглаживая пальцами усы. Потом он несколько раз сглатывает, и видно, как дергается его кадык.

– Почему он... вдруг так сказал? – медленно уточняет Евгений.

– Я нашла коробку с фотографиями... Он сказал, что я вытеснила дочь из памяти. Сказал, что ты лечил меня, и... – Юлиана захлебывается словами.

Она мчалась на работу, надеясь, что увидит в глазах Евгения одно лишь недоумение. Что он засмеется, услышав ее абсурдный рассказ. А вместо этого начальник ведет себя так, будто это все правда.

Юлиана сжимает подлокотники кресла, вдруг осознав, что быть пациентом, а не психотерапевтом, не слишком приятно.

– Пожалуйста, скажи, что он лжет, – вдруг просит она, и сама не узнает свой тонкий молящий голос.

– Хочешь, чтобы я обвинил твоего мужа во лжи? – качает головой Евгений. – Разве он не единственный, кому ты можешь доверять, Юлиана? У него нет причин лгать. Илья правда любит тебя, хотя и мог бы спрятать фотографии понадежнее, – раздраженно замечает он.

У Юлианы нет слов. Она смотрит на Евгения, как маленькая девочка на чужого дядю, который вдруг представился ее отцом. Отцом, встречи с которым она вовсе не ждала.

– Но я ничего не помню, – шепчет она.

– Ты уверена? – Евгений облакачивается на стол. – Уверена, что ничего не помнишь? А может быть, не хочешь вспоминать? – Он вздыхает. – Если честно, Юлиана, когда ты стерла из своей памяти настолько значительный кусок жизни, я был в шоке. Даже хотел исследовать этот феномен, но твой муж категорически возражал. Он радовался, что ты вновь стала прежней. Из уважения я не стал настаивать. Все же вы потеряли дочь, но теперь, раз все вскрылось, я...

– Евгений, я прекрасно знаю, что вытесненных воспоминаний не существует! – Юлиана почти рычит. – Ты еще скажи, что я в детстве подверглась инцесту, но подавила в себе знание о таком жутком событии. К сожалению, наша память не способна на такое. Самое ужасное она сохраняет в мелочах!

Она вскакивает с места и мечется по кабинету. Как доказать, как объяснить? Она не сумасшедшая...

– Способна, не способна, – пожимает плечами Евгений. – Эта область еще недостаточно изучена. Каждый день возникают новые прецеденты, которые меняют наши представления.

– Но у меня даже нет отметки в паспорте о детях! – Юлиана взмахивает руками и растерянно замирает на месте. В начале года у нее украли сумку, и ей пришлось восстанавливать документы. Она уже не знала, где искать доказательства.

– Отметку необязательно делают в паспорте. Не веришь мужу и мне, сходи к гинекологу. Думаю, они могут определять такие вещи, – кривит губы Евгений. – Ну, были роды или нет.

Элементарное предложение вселяет в Юлиану надежду, и она даже позволяет себе робкую улыбку:

– А что я скажу врачу? Извините, но у меня проблемы с головой, не могли бы вы проверить, рожала я или нет? – Из груди у нее вырывается истерический смех, который заканчивается тихими всхлипами.

Евгений с тяжелым вздохом тянется к своему смартфону:

– У меня есть знакомая, Инесса. Она гинеколог. Я ей позвоню и расскажу про твою ситуацию, чтобы она не пугалась твоих вопросов.

– Спасибо, – обессиленно произносит Юлиана и снова падает в кресло. – Даже не думала, что получу от тебя помощь. Мне казалось, после того, что между нами было...

– Короткий роман шестилетней давности? Умоляю тебя, Юлиана, – он хмыкает. – Возможно, я поступил с тобой жестоко, но хорошими психотерапевтами не разбрасываются из-за интрижки. Да и ты, признайся, еще надеялась, что наши отношения возродятся.

Юлиана лишь вздыхает. Он не просто поступил жестоко, он даже не дал ей шанса сбежать от него.

– Я уже не берусь утверждать, что помню то время, Женя.

От сокращенного имени он ненадолго застывает, и на его лице проскальзывает тень ностальгии. В нахмуренных бровях, в опущенных уголках губ.

– Я... – Он прочищает горло. – Я созвонюсь с Инессой. А ты сделай одолжение: не приставай с расспросами к коллегам. Тем более что большинство работают здесь недавно. Старожилам я запретил говорить с тобой на эту тему. Еще и повышенный интерес журналистов... Не дай бог, что проносятся.

Юлиана усмехается и разглядывает красивое лицо Евгения. Когда-то она не могла им налюбоваться.

– Скажи, а если вернуть все вспять, ты бы отпустил меня? – вопрос вырывается так неожиданно, что она сама пугается.

Евгений поднимает на нее взгляд и долго молчит, прежде чем, наконец, ответить:

– Да. Отпустил бы. А еще лучше бы не знать тебя вовсе.

От его странного ответа на душе появляется тяжесть, и Юлиана сглатывает комок обиды, не в силах продолжать разговор.

III

Юлиана натягивает на лицо медицинскую маску и поглядывает на белую дверь с табличкой: «Гинеколог Осипова И. Д.» От нее так и веет ледяной отрешенностью. Знакомый врач Евгения смогла выкроить для Юлианы десять минут во время обеденного перерыва и попросила подъехать в частный медицинский центр «ЛаВита», недалеко от драмтеатра.

Все бы ничего, но Юлиану не покидает чувство, что она ступает на тонкий лед. И воочию видит, как он трескается под ее ногами.

Зачем она сюда пришла? Разве у нее есть сомнения в собственной памяти? Юлиана стискивает зубы. Сложно настаивать на своем, когда все вокруг твердят, что она забыла несколько лет жизни.

Из кабинета выходит стройная женщина в белом халате. Да, стоило учесть, что она – знакомая Евгения, а его знакомые априори не бывают серыми мышками. Черные кудряшки кокетливо обрамляют лицо, и, хотя оно наполовину скрыто маской, раскосые темные глаза с неброским смоки выдают в Инессе восточную кровь.

– Юлиана? – Вопросительный взгляд замирает на ней, и, дождавшись кивка, Инесса продолжает: – Входите.

В небольшом чистом кабинете Юлиана молча раздевается и устраивается в гинекологическом кресле. За все время ни

слова не произнесено. Да и зачем? Евгений должен был объяснить Инессе щекотливую ситуацию сам, потому что Юлиана не понимает, как сказать что-то вроде: *«Знаете, все пытаются выставить меня умалишенной. Помогите доказать обратное»*.

– Кроме... – Инесса запинаяется. – Кроме той проблемы, которую упомянул Евгений, есть жалобы? – Она натягивает белые перчатки, которые плотно облегают тонкие пальцы.

Юлиана закрывает глаза. Не впервые ей сидеть в кресле у гинеколога, но сейчас она словно школьница, которая стесняется признаться в том, что уже давно не девственница.

– Нет, – хрипит она.

– Хорошо.

Юлиана вздрагивает от прикосновений Инессы, но заставляет себя расслабиться. Вдоооххх... Выыыдооох....

– Можете одеваться, – вдруг произносит врач, и на мгновение Юлиана теряется:

– В смысле?

– Я закончила осмотр, – бормочет Инесса и смотрит на Юлиану так, будто хочет провести еще и осмотр души. Но почти сразу отворачивается.

Юлиана быстро слезает и одевается, тщательно расправляет складки трикотажного платья, застегивает обувь... Тишина. Почему Инесса молчит? Сердцебиение неумолимо начинает набирать обороты.

– Вы скажете мне или нет? – грубо интересуется Юлиана,

и Инесса наконец поворачивается к ней лицом. Стягивает маску, оголяя полные, чувственные губы.

– Я... не могу поверить, что вы забыли свою беременность, – шепчет она, а лицо бледное, и даже румяна будто исчезли. – Евгений объяснил, что это особая форма амнезии, но рождение малыша! Такой опыт ни одна женщина не должна забывать.

Ноги подкашиваются, и Юлиана оседает на кушетку. Уже не помогает дыхание, наоборот, от него становится лишь хуже. Комната плывет перед глазами, а красивое лицо Инессы смазывается. Не надо было приходить сюда. Не надо было... Ошибка, огромная ошибка...

Резкий запах нашатыря приводит Юлиану в чувство, и она неуверенно приоткрывает глаза. Ее маска свисает с уха, а сама она лежит на кушетке. Над ней склонилась Инесса, и беспокойные морщинки портят ее покатый лоб.

– Вам стало плохо... Ох, говорила я Евгению, что не желаю в этом участвовать, но ему сложно отказать, – раздосадованно произносит она. – Хочу, чтобы вы знали, мне очень жаль.

Последние ее слова звучат не к месту.

– Ничего страшного. – Юлиана медленно садится, сосредоточив взгляд на ватке, пропитанной нашатырем, которую держит Инесса. – Скажите, я правильно поняла: я... У меня был ребенок?

Инесса отворачивается:

– Да, – глухо выдавливает она.

В горле пересыхает. Надо уйти, зачем вываливать на человека свои проблемы. Юлиана спускает ноги на пол, но не может встать. Интересно, парализованные так же себя чувствуют?

– Держите.

Перед носом возникает пластиковый стаканчик с водой.

– Спасибо.

Юлиана сминает маску в кулаке и залпом осушает стакан. Чего бы покрепче... Может, позвонить Илье и попросить вместо вина привезти ядерного коньяка? Но, если напиться в хлам, проблема не уйдет. Станет лишь хуже.

– Я пойду, – произносит Юлиана и уходит, не глядя на Инессу.

Страшно увидеть в ее глазах осуждение или, хуже того, жалость. Перед выходом смятый стаканчик летит в мусорное ведро, и вместе с ним исчезает прежняя размеренная жизнь.

* * *

Снежный октябрь и правда дикость. Но утренний снег, который, похоже, выпал по ошибке, успел растаять, оставив после себя лишь лужи. Юлиана доехала до дома, как черепаха, ей не сигнализировало разве что велосипедист. И то лишь потому, что у него не было гудка. Но лучше так, чем поцеловаться с первым встречным столбом.

Наконец она паркуется в пустом дворе и опирается на машину, не решаясь подняться на свой этаж. Скользит затуманенным взглядом по темным окнам угловой пятиэтажки. Никак не найти нужный балкон. А зачем идти домой? Кроме вороха воспоминаний в красной коробке, ее ничего не ждет. Подумать только, она забыла собственную дочь. Неужели это правда? До сих пор не верится. Будто некто приписывает ей чужую жизнь.

Юлиана вдыхает влажный осенний воздух и ступает на асфальт, по которому разметались потрепанные листья.

– Юлиана Владимировна? – Тонкий окрик, больше напоминающий писк мыши, раздается со стороны подъезда.

Юлиана щурится, когда из тени козырька выходит девочка-подросток в рваной джинсовой куртке и синих леггинсах. На шее намотан желтый шарф, и на его фоне смешно выделяется красный нос незнакомки.

– Меня зовут Мария, я из газеты «Рассвет Новограда». Можно взять у вас интервью?

– Подождите, минуточку. – Юлиана еще раз окидывает взглядом худошавую фигурку Марии и копну белобрысых волос. – Хотите сказать, вы – журналист?

– Да, мне двадцать пять, – смущенно признается она и тут же улыбается. – Я просто выгляжу на десять лет моложе.

Юлиана настороженно подтягивает к груди ремень сумки:

– Откуда вы знаете, где я живу?

Плохое предчувствие не обмануло. Не стоило ей идти до-

мой.

– Я бы хотела, чтобы вы прокомментировали трагедию, которая произошла с четой Никольских, – нагло игнорирует вопрос Мария.

– Много хотите, – отрезает Юлиана и пытается пройти мимо, но прыткая журналистка заступает дорогу.

– Ну, пожалуйста, всего пару слов! Мне известно, что вы были их лечащим врачом, – и она сует ей в лицо смартфон с включенным диктофоном.

– У вас ошибочные сведения, – едко замечает Юлиана.

А в висках стучит: одна маленькая статья принесла такой вред. Если бы сын Никольских не раскрыл имя Юлианы, сейчас ее бы не осаждали подобные личности. Но он был вправе это сделать, его никто не осудит. А вот ее осудят, и поделом.

– Пустите, – Юлиана обходит Марию, но та скачет рядом и тараторит в смартфон быстрее пулемета:

– Вы были психотерапевтом Алексея и Веры Никольских. Они пытались спасти свой брак. Какие методы лечения вы применяли? Вы знали, что Вера страдала шизофренией? Могло ли ваше лечение обострить симптомы? Что вы почувствовали, когда узнали, что Вера Никольская зарезала мужа, а сама попала в психушку?

– Сгиньте! – рычит Юлиана и выбрасывает руку, стараясь выбить у Марии смартфон. Та уворачивается, но неуклюжая оплеуха прилетает ей в лицо.

Секунду они молча смотрят друг на друга.

О господи, она ударила человека? И это Юлиана, которая всегда гордилась спокойствием и уравновешенностью? Черт возьми, что с ней творится?

– Простите...

В груди становится тесно. Мария озадаченно потирает щеку и выключает мобильный.

– Вы ведь не ответите ни на один вопрос, – то ли утверждая, то ли спрашивая, произносит она. В звонком голосе слышатся нотки раздражения.

– А с чего вы взяли, что я буду разговорчивой?

Усталость подминает под себя остатки злости, и Юлиана разглядывает Марию уже без прежнего гнева.

– Мне так сказали, – она пожимает плечами и вытаскивает из нагрудного кармана разноцветную визитку. – Мало ли, измените свое решение.

– Кто сказал? – Юлиана на автомате сжимает визитку, однако Мария словно не слышит.

Она отворачивается и делает шаг, но Юлиана хватается за плечо:

– Кто вам про меня рассказал?

Мария раздраженно сбрасывает руку и бросает на Юлиану колкий взгляд:

– Секретная информация. Позвоните, когда захотите облегчить совесть. – И она быстро шагает прочь, ссутулившись под холодными порывами ветра.

– Черт возьми!

Юлиана забегаёт внутрь подъезда и прижимается спиной к стене.

– Что за дичь творится?!

Звонок мобильного пугает до чертиков, и от неожиданности Юлиана прикусывает язык и вместо «алло» невнятно мычит в трубку.

– Юлиана? – Евгений произносит её имя с таким беспокойством, что становится тошно. – Мне звонила Инесса. С тобой все в порядке?

– Да, – коротко отзывается она.

В нерешительности разглядывает визитку Марии – рассказать или нет? – но в итоге молча засовывает её в сумку.

– Ты уверена? Она сказала, ты потеряла сознание.

– Сейчас я точно не в том состоянии, чтобы это обсуждать.

Подъём по лестнице оказывается невероятно тяжёлым. Все проблемы будто навалились на плечи и теперь давят своей тяжестью, вынуждая Юлиану сопротивляться не только гравитации.

– Ты уверена...

– Не будь назойливым психотерапевтом, который начинает беседу с вопроса: «Вы хотите об этом поговорить?» – ехидничает Юлиана.

– Ну, если ты ещё способна шутить, значит, все не так плохо. Когда захочешь об этом поговорить, – с нажимом проговаривает Евгений, – ты знаешь, где мой кабинет. И жду тебя завтра на работу.

В мобильном слышатся короткие гудки. Вот так из заботливого друга и бывшего любовника Евгений превратился в начальника-сухаря.

Юлиана фыркает и с облегчением вваливается в квартиру. Скидывает на пол пальто, поверх него летит сумка. Шаг – и один ботильон с глухим ударом падает на паркет. Второй шаг – и его напарник падает рядом. Юлиана проходит в пустую комнату с эркером и оглядывает обои.

– Значит, здесь была детская комната? – хрипло смеется она. – Ну-ну.

Она подходит к стене и хватает за край обоев, где они внахлест заходят друг на друга. С треском отрывает неровный кусок и замирает с ним в руках, не зная, плакать ей или кричать.

Под белыми обоями оказываются розовые пони. Их улыбки точно приснятся Юлиане в ночном кошмаре.

IV

Январь, 2019 год.

Аудиозапись сеанса с Верой Никольской.

– Расскажите, что именно беспокоит вас в отношениях с мужем?

– Он слишком хороший. – Пауза. – Иногда хочется, чтобы он накричал на меня, ведь порой я веду себя ужасно.

– В чем это выражается?

– Мое поведение?

– Да.

– Ну... – долгая пауза. – Могу разбить вазу. Просто потому, что мне так захотелось. Недавно я разбила фарфоровый сервиз, который нам подарили еще на свадьбу. Мне нравится звук бьющегося стекла. В этом звоне очень многое можно расслышать...

– А почему вы его разбили? Вы злились на Алексея, он что-то сделал?

– Нет, нет. Я же говорю... Мне просто захотелось. И ему бы разозлиться, а он обнял меня и стал убаюкивать, как младенца. Это раздражает.

– Вы раньше били посуду?

– Нет.

– А что изменилось? Это стало происходить после какого-то события? Возможно, вы пережили стресс?

– Нет.

Длительная пауза, в течение которой слышится тяжелое дыхание Веры.

– Ничего не изменилось. Раньше я сдерживалась. А теперь перестала.

– А что заставляло вас сдерживаться?

– Хм... Дайте подумать... Ребенок, условности, родители. Не хотелось, чтобы они видели, какая я настоящая. А потом сын вырос. Родителей не стало. Я постарела. Жизнь уходит, и я устала притворяться.

– Вам всего лишь сорок лет. Думаю, рано говорить о старости.

– Это только видимость. На самом деле я – дряхлая старуха. Порой мне кажется, что я безумно устала от жизни. И возможно, с ней стоит расстаться.

– Вас посещают мысли о суициде?

Глубокий вздох:

– Сложно сказать. Но в такие моменты мне хочется бить, крушить, ломать все вокруг.

– И эта разрушительная сила распространяется на ваш брак. Скажите, а раньше вы обращались к помощи квалифицированного специалиста?

– Нет, Юлиана. Вы – первая.

– Понятно. Чего вы хотите от вашего брака? Ваше поведение стало провокационным, вы ждете, когда Алексей не выдержит и даст волю чувствам, накричит, возможно,

ударит вас. Словом, перестанет вести себя «хорошо». Предположим, это произошло. Что вы станете делать после этого? Вы успокоитесь, сможете жить дальше?

Невероятно долгая пауза.

– Вряд ли.

– Тогда ваш вариант.

– Ну...

– Смелее.

– Чисто гипотетически?

– Разумеется. Мы не допустим, чтобы это случилось на самом деле.

– Ну, если чисто гипотетически... Тогда у меня появился бы повод его убить.

* * *

Свидетельство о рождении.

Свидетельство о смерти.

Везде одно и то же имя. Евсеева Зоя Ильинична. Ей едва исполнилось два года, когда произошла автокатастрофа.

Юлиана поправляет указательным пальцем одну из фотографий, которые она ровными рядами разложила на столе. Сладкая видимость контроля над происходящим. Но каждый снимок вызывает в ней бурю эмоций. Эту бурю можно усмирить лишь транквилизаторами. И то, если вколоть их прямо в вену. Но никакой горький кофе не способен унять

расшатанные нервы.

Юлиана обхватывает кружку руками, на дне которой осталась черная жижа. Пятая по счету за этот вечер, и каждый раз гадание на кофейной гуще заканчивается одинаково. Юлиана предсказывает себе томительное будущее, полное неясности и страхов.

Она окидывает кухню взглядом, но не может сосредоточиться на мелочах. Все как в тумане. Неужели она варила на этой старомодной газовой плите с позолоченными вентилями кашу для ребенка? А здесь, под винтажной картиной с молоденькой вертихвосткой из двадцатых – стоял детский стульчик? Интересно, Илья избавился от всех детских вещей, когда она потеряла память? Оставил лишь эти фотографии да куклу. Видимо, ту самую, которая была с Зоей во время аварии. Но зачем?

Юлиана прижимает мягкую игрушку к лицу и вдыхает. Но ничего не чувствует. Почему она смотрит явно на столь дорогую сердцу вещь и ничего не испытывает? Со вздохом она кладет куклу обратно в коробку.

Да. Илья тщательно замел следы. Даже красная коробка из-под обуви... Юлиана ведь так редко заходила в его темную комнату из-за клаустрофобии. Один шанс на миллион, что она наткнется на коробку. Но в тот день...

– Может, тебе не стоит вспоминать? – Хриплый голос Ильи нарушает уединение Юлианы. Он стоит в дверях, зажав под мышкой бутылку вина. – Многие продали бы душу,

лишь бы забыть такое горе. Я, например.

– Для горящего ты слишком хорошо выглядишь, – то ли с иронией, то ли с недоумением произносит Юлиана.

Илья и правда выглядит первоклассно в сером костюме-тройке, хотя и видно, что тот уже не первой свежести.

– Ты многое не замечала. – Илья достает два бокала и разливает красное вино.

Судя по этикетке – дорогое, но Юлиана так редко пьет спиртное, что различает его лишь по цветам и крепости. Остальное – букеты вкусов, выдержка, названия марок – для нее все равно что для балетмейстера инженерные термины.

– Не чокаясь, – он ставит перед ней полный бокал и залпом опустошает свой.

– Лихо. Это кто из нас страдает из-за того, что он ни черта не помнит?

– К сожалению, не я, – с кривой усмешкой выдавливает Илья.

Он садится напротив, но избегает смотреть на фотографии, а лицо у него такое же бледное, как вчера вечером.

– Евгений звонил. Говорил, ты ходила к гинекологу, и та не оправдала твоих надежд.

– Не хочу об этом думать. Нет ничего хуже, чем когда тебя жалеют чужие люди. Скрывают равнодушие под вымученным состраданием. Хотя она была достаточно искренна... – Юлиана подносит к губам бокал и медленно перекачивает вино по языку. Интересно, какой эффект на нее возымеет

спиртное поверх литра крепкого кофе на голодный желудок?

– Хорошо. А о чем ты хочешь поговорить?

– Об аварии, – Юлиана вливается в него взглядом. – Расскажи, как это было? Куда мы ехали? Несмотря на уйму доказательств, я все еще не верю. И не знаю, хочу ли поверить.

– Хорошо, – Илья кивает так серьезно, будто соглашается продать почку. – Закрой глаза и слушай мой голос. Это то, что знаю я. Многое так и осталось неизвестным.

– Ну, что ж... – Юлиана опирается спиной о стену и послушно закрывает глаза. – Добивай меня.

– *Был поздний вечер...*

Голос Ильи звучит мягко и тихо. С закрытыми глазами он уже не вызывает у нее раздражения и злости. Наоборот. Хочется, чтобы он говорил и говорил, несмотря на то, что с каждым сказанным словом по телу пробегает озноб.

– *Мы поругались. Ты все еще не пришла в себя после смерти отца, он ведь так скоропостижно скончался. В тот день мы ссорились с самого утра. Я даже уже не вспомню, из-за чего. Вроде бы сперва я неправильно одел Зою. Потом ты опаздывала на работу... Не знаю. Причин было столько, и они были до такой степени мелкими и несущественными, что противно вспоминать. В общем... Поздним вечером, где-то в одиннадцатом часу, ты собрала Зою и решила отвезти ее к моей маме. Шел дождь....*

– К твоей маме? – Юлиана широко раскрывает глаза, вырываясь из гипнотического транса, куда ее ввел монотонным

рассказом Илья. – Шутишь? Я уже не помню, когда мы в последний раз с ней общались. Кажется, на нашей свадьбе, – она фыркает.

– Ты утрируешь. – Илья наливает себе еще один бокал. Вина в бутылке остается совсем немного, а Юлиана сделала всего один глоток. – Вы общались, особенно пока Зоя была жива. Но да, ты права. Ваше общение сводилось к скупому обмену любезностями. Но кроме нее в тот вечер тебе не с кем было оставить дочь.

– А почему я вдруг на ночь глядя решила отвезти... Зою?

Илья отводит глаза и потирает дрожащими пальцами переносицу:

– К концу дня мы разругались так, что Зоя долго плакала и никак не могла успокоиться. – Он нервно выдыхает. – И я сказал... сказал...

– Ну же, не томи! – вырывается у Юлианы.

Илья переводит на нее затравленный взгляд:

– Что мне осточертела жизнь с истеричкой, и я лучше найду нормальную женщину, которая будет сидеть дома с ребенком.

От шока Юлиана некоторое время молчит, потом замечает:

– Грубо. Черт, допустим. И на чьей машине мы разбились? На фото явно не мой «купер».

– Это была моя машина, потому что твоя стояла в ремонте.

– Хм, – Юлиана вглядывается в фотографию с места аварии.

Она отремонтировала «купер»? Боже, неужели ее память стерла все подчистую? Мурашки жути проскальзывают по запястьям и вверх, добираются до шеи и окольцовывают ее холодным прикосновением.

– Но твоя мать живет за городом. Почему я не оставила дочь с тобой? И не уехала сама?

Илья тяжело вздыхает и прячет лицо в ладонях. Невооруженным глазом видно, что он не хочет погружаться в прошлое и буквально заставляет себя нырять туда, каждый раз делая вдох все глубже и глубже.

– Потому что ты на меня обиделась.

– И только?

– Чтоб тебя, Юлиана, – Илья бьет кулаком по столу, едва не опрокидывая бокал с вином, – я не знаю, что творилось в тот вечер у тебя в голове! До сих пор казню себя за то, что позволил увезти Зою. – Он порывисто встает со стула и мечется по кухне, не в силах успокоиться.

– Эй, тише, тише.

Юлиана подходит к нему и заключает в объятия. Он прижимается к ней, спрятав лицо у нее на плече. Такой высокий, взрослый мужчина, он вдруг превратился в малыша. Юлиана целует его в шею и вдыхает любимый океанический запах.

– Думаю, на сегодня хватит, – шепчет она, а перед глазами проносится сумасшедший день.

Евгений, гинеколог, журналистка....

– Я могу остаться, или снова прогонишь?

– Оставайся, – Юлиана слабо улыбается, но, когда Илья пытается ее поцеловать, отворачивается. – Это ведь и твоя квартира.

Она отходит от мужа и задумчиво смотрит на его сильные руки. Спрятаться бы в них от всего мира. Но недоверие вкупе с растерянностью воздвигает между ними стену.

– Я в душ, – шепчет Юлиана. – Завтра на работу.

– Так что ты решила? – бросает ей вдогонку Илья. – Будешь и дальше ворошить прошлое?

Она замирает в дверном проеме, потом на мгновение оборачивается:

– А у меня есть выбор? Я забыла значительную часть жизни, и уже не смогу дальше жить, зная, что мое нынешнее «я» насквозь фальшиво.

И впервые Юлиана допускает мысль, что она и правда вытеснила ужасное воспоминание, лишь бы не испытывать боль.

Но ведь это невозможно?

Тогда почему все вокруг твердят об обратном?

* * *

Илья допивает вино, в том числе почти нетронутый бокал Юлианы, и, не глядя, закидывает фотографии в коробку.

Дерьмо, полнейшее дерьмо.

Лишь эта мысль вертится в голове. А вот Юлиана такая спокойная, словно это он забыл свою жизнь и пришел к ней на сеанс терапии.

Надо выспаться. Теперь все позади. Самое страшное свершилось.

Илья останавливается возле закрытой двери в пустую комнату, и любопытство толкает внутрь... Включает свет и застывает на месте. Спокойствие Юлианы вдруг становится ясным. Белые обои, наклеенные поверх детских, порваны в клочья. Кривыми зубьями свисают на пол, почему-то напоминающая злобную усмешку, которая пробирает до дрожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.